Friedrich Christian
Prinz zu Schaumburg-Lippe

War Hitler ein Diktator?

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Выросший в немецкой провинции принц Фридрих Кристиан цу Шаумбург-Липпе (1906–1983), наследник княжеского дома, правившего ранее маленьким вассальным княжеством на территории Германской империи, был достаточно авторитетным человеком, чтобы рассказать нам о Гитлере и его деятельности во главе Третьего рейха. Личный друг фюрера еще до прихода того к власти, принц в первые годы правления Гитлера часто бывал его собеседником. Принц вступил в НСДАП при посредстве Рудольфа Гесса, был членом СА, а затем стал помощником доктора Йозефа Геббельса в Министерстве пропаганды.

Как объясняет сам принц, он начал писать эту книгу в 1976 году, чтобы: «Определить, насколько отвратительную и подлую ложь против нас, немцев, распускают в течение десятилетий, и указать на то, кто это делает и почему это происходит… Тот, кто осознанно действует вопреки вечному порядку этого мира, может быть только предателем, мерзавцем! Он вредит всем другим. Никакая философия, религия, математика никогда не могут стать сильнее вечной этической закономерности природы!»

Об авторе. Принц Фридрих Кристиан цу Шаумбург-Липпе (Friedrich Christian Prinz zu Schaumburg-Lippe, родился 5 января 1906 года в Бюккебурге; умер 20 сентября 1983 года в Вассербург-ам-Инн) был немецким аристократом, высокопоставленным национал-социалистическим функционером и автором национал-социалистических произведений.

Перед приходом нацистов к власти он служил возникающему национал-социалистическому движению в качестве одного из самых видных имперских ораторов. С 1933 года был адъютантом Йозефа Геббельса и вследствие этого — одним из его ближайших сотрудников в Имперском министерстве народного просвещения и пропаганды. После окончания Второй мировой войны он стал широко известен как «ревизионист истории».

Фридрих Кристиан Вильгельм Александр Принц цу Шаумбург-Липпе появился на свет в 1906 году как четвертый и самый младший сын князя Георга цу Шаумбург-Липпе (1846–1911) и Марии Анны фон Заксен-Альтенбург (1864–1918) в главном городе княжества Бюккебурге и получил свое имя в честь графа Фридриха Кристиана.

Рано осиротев, он вырос под опекой старшего брата Адольфа, последнего правящего князя, вместе со своей сестрой во дворце в Харрле. Он изучал юриспруденцию в Бонне, где у принцев фон Шаумбург был фамильный дворец. Затем продолжил учебу в

Кёльне. Будучи объективно состоятельным, он все же глубоко чувствовал упадок власти и имущественного благосостояния его семьи.

В 1928 году, вскоре после женитьбы, 22-летний принц, ничем еще не занимавшийся и получавший деньги на жизнь от своего брата, сблизился с Гитлером, но тот отговорил принца от вступления в НСДАП. Наконец, Фридрих Кристиан в сентябре 1929 года был принят в партию и тем самым стал, наряду со своим двоюродным братом Йосиасом цу Вальдек унд Пюрмонтом и вступившим позже, но более популярным принцем Августом Вильгельмом Прусским (1887–1949), одним из первых членов партии из круга высшего немецкого дворянства. Фридрих Кристиан сначала был сотрудником Роберта Лея, гауляйтера Кёльна — Кобленца. Вместе с Леем он основывал ежедневную прессу штурмовых отрядов; затем в 1930 году — общество с ограниченной ответственностью для выпуска национал-социалистических ежедневных газет. С 1931 по 1933 год был внештатным организатором фирмы «Дитрих унд Ко» в Кёльне, издательства ротационной печати. Далее принц служил для партии как один из ее первых имперских ораторов и стал также активным членом СА.

Непосредственно после основания Министерства пропаганды 1 апреля 1933 года он стал адъютантом Геббельса и имел, таким образом, постоянный доступ к одному из самых могущественных политиков Германской империи. 1 ноября 1934 года он стал референтом в международном отделе министерства. Далее принц атаковал в своих публикациях немецкое дворянство, которое сначала слишком мало поддерживало национал-социализм и вместо этого скатывалось к реакции и монархизму.

Геббельс 13 февраля 1937 года отметил в своем дневнике о своем близком сотруднике: «Эти принцы привыкли ничего не делать и только маршировать на парадах». Однако с 1943 года принц служил на фронте в мотопехоте.

Во время господства национал-социалистов Фридрих Кристиан быстро делал карьеру и стал, таким образом, не только советником в Министерстве пропаганды, но и штандартенфюрером СА в полку «Фельдхеррнхалле», руководителем отдела в штабе гауляйтера зарубежной организации НСДАП, и получил за свои многолетние заслуги перед партией от самого Гитлера золотой почетный знак НСДАП.

После окончания войны принц был интернирован с 1945 по 1948 годы. В Советской оккупационной зоне его произведения были запрещены. Несмотря на обвинения в якобы выдаче нескольких чиновников своего министерства, принц в 1950 году

успешно прошел процедуру денацификации.

И после конца национал-социализма принц оставался плодовитым публицистом и публиковал различные книги, в том числе в ультраправых издательствах «Druffel» и «Arndt». Он никогда не дистанцировался от национал-социалистической идеологии и защищал ее до самой смерти. Его произведения и сегодня еще популярны в ультраправых и неонацистских кругах.

> *«Я спрашиваю себя, какой правитель пользовался когда-нибудь таким уважением, почитанием, любовью и обожествлением, как этот человек в коричневой рубашке».*

Луи Бертран, французский журналист на Имперском съезде партии в 1937 году в Нюрнберге

- Принц Фридрих Кристиан цу Шаумбург-Липпе
  - Часть 1. Вступление
  - Часть 2. Масса легко становится палачом…
  - Часть 3. «Диктатор»
  - Часть 4. Роковая нехватка знания людей
  - Часть 5. "Торговля индульгенциями" и самообман
  - Часть 6. Система клеветы
  - Часть 7. Клевета: психологический геноцид!
  - Часть 8. Искусство, культура и социальные нововведения
  - Часть 9. Вечная этическая закономерность природы
  - Часть 10. Слово к клеветникам
  - Часть 11. Заключение
  - Часть 12. Дополнение

Принц Фридрих Кристиан цу Шаумбург-Липпе
Был ли Гитлер диктатором?

«Я недостоин произносить это имя вслух. Его жизнь и дела исключают сентиментальные всхлипывания. Он был воином — воином, сражавшимся во имя человечества, и пророком евангелия справедливости для всех наций. По своей сути он являлся реформатором высшего порядка, и ему по воле истории было суждено жить в эпоху невиданной низости, в конце концов, его одолевшей».

Кнут Гамсун, норвежский писатель

Часть 1. Вступление

Американский социолог Роберт С. Линд говорил:

«Легче поверить лжи, которую слышал сто раз, чем правде, которую никогда еще не слышал».

С начала этого века против нас, немцев, направляется одна кампания лжи за другой. Как бы часто ни удавалось опровергнуть эти многочисленные неправды, но оказывается, что, к сожалению, гораздо выгоднее распространять ложь, чем отвечать за правду, в особенности, если лжец победил.

Страна, в которой опасно распространять правду, идет неверным путем. Я предпочитаю, во всяком случае, жить в стране, где выгодно провозглашать правду.

Но, как говорит французский писатель маркиз Люк де Вовенарг в своих «Размышлениях и максимах»: «Только немногие люди достаточно сильны, чтобы говорить правду и слышать правду».

Если я пишу, чтобы содействовать победе правды, тогда часто приходится неизбежно подвергаться критике. То и другое часто связано друг с другом, и тогда непроизвольно получается, что некоторым людям это приносит боль.

Тем не менее не было еще ни одной пусть даже самой хорошей революции, движения, организации или прочего объединения, в действиях и поведении которых не были бы в равной степени представлены «хорошее» и «плохое», так же, как во всем существуют естественные противоположности, поддерживающие жизнь в жизни.

Также и в движении Адольфа Гитлера были свет и тень и — как всюду — люди с сильными и слабыми сторонами.

Только гений действительно может считаться с обоими, видеть их такими, какие они есть, и использовать их в соответствии со своими талантами.

Если я от доктора Геббельса или даже от самого Гитлера узнал о том, кто из важных людей в правящих верхах был «не в порядке», то я не могу умолчать об этом — ради правды, пусть даже эти люди на другом месте продемонстрировали свои достижения, которые изначально и позволили им подняться на высокие посты.

Речь идет о том, чтобы отметить чистых, приличных, честных сотрудников и соратников, даже если на меня обидятся за то, что при этом также и неутешительные вещи будут названы своими словами.

Речь идет прежде всего о правде для всего немецкого народа,

не об отдельных людях.

Я пытаюсь описывать людей, принимавших решения, на основе их поведения, даже если речь при этом часто идет о сравнительно незначительных инцидентах. Я выбрал их, чтобы изобразить как можно более типично человеческие события, которые делают человека и вместе с тем его мысли и действия понятными.

Немецкий народ по натуре настолько приличен, что ему часто доводилось попадать впросак, поверив своим противникам, так как немцы просто не могли заподозрить у них что-то плохое — просто не считали это возможным.

Всякий судит о других по себе — так было всегда, и это справедливо также и для клеветников! Где они сами появлялись — в восстаниях и войнах, — они были особенно жестоки и негуманны. При этом речь никогда не шла о народах, а всегда о «закулисных руководителях», о зачинщиках. Я напомню о Французской революции, об уничтожении индейцев, о борьбе против буров, о великих революциях китайцев и русских, об угнетении Индии и т. д.

Мы, немцы, отличаемся от почти всех великих держав этой земли прежде всего тем, что в чужих странах, иными словами — на международной основе, никогда не разжигали революции и не затевали гражданские войны, и даже не пытались хотя бы ослабить чужие народы с помощью широко продуманной международной травли.

Я, естественно, не причисляю тех «немцев», которые участвовали в международной антинемецкой травле, к нашему народу! На них, использовавших войну, чтобы раскалывать наш народ пропагандой самого ложного толка и натравливать немцев друг против друга, лежит печать нашей эпохи.

Когда главный обвинитель на Нюрнбергском процессе допрашивал меня во Дворце правосудия, он утверждал, что всех живущих за границей немцев нужно отнести к «пятой колонне» — к агентам Гитлера, используемым для революционизации мира, и что этой сильной организацией якобы управлял доктор Геббельс.

Я сказал ему, что такая организация — как она, впрочем, действительно уже много десятилетий существовала с другой стороны против Германии — все же невообразимо дорога. Лишь одна связанная с этим покупка прессы чужих стран потребовала бы гигантских сумм. Он согласился с этим утверждением. На это я объяснял ему, что точно знаю, насколько велик был бюджет Имперского министерства пропаганды, выделенный на зарубежную пропаганду, в то время, когда еще было возможно заниматься пропагандой за рубежом — например, до 1943 года.

Самая большая сумма годового бюджета составляла один миллион имперских марок. Из этого должны были финансироваться: лекционные поездки, поездки больших симфонических оркестров и театральных ансамблей, а также видных деятелей искусства. К этому добавлялись расходы на спортивные мероприятия и — так сказать, «на полях» — также субсидии для газет, которые имели значение для культурной рекламы. При общем рассмотрении — смешная сумма, едва ли больше, чем ничего.

Затем я заметил, что НСДАП была запрещена всяческая активность за границей — за исключением круга «имперских немцев», — строго запрещена самим Гитлером. Гитлер однажды в моем присутствии гневно сказал одному ведущему члену партии, что национал-социализм — это не «экспортный товар» и он сам — не преобразователь мира и заботится лишь о том, чтобы помочь немецкому народу!

То, в чем упрекали нас враги Германии, они сами делали в гораздо больших масштабах нам во вред, и с расходами, которые, наверняка, в тысячу раз превышали бюджет нашего министерства пропаганды.

Англичане верили очень многому из того, что знаменитый тогда «лорд Гав-Гав» (Уильям Джойс, англичанин, нацистский пропагандист, повешен британцами в 1946 году — *прим. перев.)* говорил им в эфире, — но это почти ничего не изменило в их национальной позиции.

Немцы не могли верить тому, опровержение чему они видели ежедневно вокруг себя, но начиная с марта 1945 года их национальная позиция ослабла. И этот процесс все еще не закончен.

Пусть же эта книгу поможет оживить и углубить в нашем народе чувство, что столь оклеветанное и оболганное поколение отцов сделало все, что могло, в борьбе за будущее Германии, в верности добрым старым традициям, и оно займет в истории нашего народа подобающее почетное место.

Часть 2. Масса легко становится палачом…

Француз Гюстав Лебон (1841–1931) был одним из самых выдающихся психологов. Он очень много писал о способности людей к реагированию. Поэтому я в самом начале процитирую его слова: «Масса легко становится палачом, но так же легко она идет и на мученичество».

Нам еще часто придется вспоминать о нем, так как наш народ уже долгое время отдан на произвол жестокому врагу, о котором народ все еще почти ничего не знает. Уже поэтому мы, наконец, должны положить карты на стол, чтобы мы, немцы — все вместе — из-за все не желающей прекращаться клеветы медленно, но верно не утратили свой человеческий облик.

Наш народ — сам не понимая этого — уже давно стал мучеником. Вероятно, как раз именно потому, что у него нет качеств, чтобы стать палачом. Немцы во все времена были слишком доверчивы, слишком приличны и слишком честны, но прежде всего слишком откровенны — особенно тогда, когда у них все было хорошо. Тогда они всем рассказывали о своем счастье. И это приводило к непредвиденным последствиям, так как нет ничего лучшего, чтобы создать вокруг себя врагов. Уже вскоре в мире нашлись люди, которые на этом по сути своей безвредном факте начали строить политическую операцию большего масштаба: всемирную клевету на наш народ.

Лебон пишет: «Из всего вышесказанного мы делаем вывод, что толпа в интеллектуальном отношении всегда стоит ниже изолированного индивида, но с точки зрения чувств и поступков, вызываемых этими чувствами, она может быть лучше или хуже его, смотря по обстоятельствам. Все зависит от того, какому внушению повинуется толпа».

У нас, немцев, издавна была странная тяга к тому, чтобы в случае беды всегда винить самих себя. Это широко открывает ворота клевете.

Лебон: «Доказательством того, что успех составляет одну из главных основ обаяния, является одновременное исчезновение обаяния с исчезновением успеха. Герой, которого толпа превозносила только накануне, может быть на другой день осмеян ею, если его постигла неудача. Реакция будет тем сильнее, чем больше было обаяние. Толпа смотрит тогда на павшего героя как на равного себе и мстит за то, что поклонялась прежде его превосходству, которого не признает теперь. Когда Робеспьер

посылал на казнь своих коллег и множество современников, он пользовался огромным обаянием. Но стоило перемещению нескольких голосов лишить его власти, и он немедленно потерял свое обаяние, и толпа провожала его на гильотину градом таких же проклятий, какими она осыпала его прежние жертвы. Верующие всегда с особенной яростью разбивают богов, которым поклонялись некогда. Под влиянием неудачи обаяние исчезает внезапно. Оно может прийти в упадок и вследствие оспаривания, но это совершается медленнее. Однако именно такой способ разрушения обаяния гораздо более действен. Обаяние, которое подвергается оспариванию, уже перестает быть обаянием. Боги и люди, сумевшие долго сохранить свое обаяние, не допускали оспариваний. Чтобы вызывать восхищение толпы, надо всегда держать ее на известном расстоянии».

Так как я переживаю теперь уже четвертую эпоху немецкой истории, я полагаю, что видел достаточно много, и могу сравнивать очень хорошо, и имею на это право. Прошу вас, дорогой читатель, не воспринимайте как мою самонадеянность, если я полагаю, что относительно этого периода я являюсь одним из совсем уже немногих людей, которые вообще могут и имеют право описывать это время исходя из собственного опыта — и судить его.

Вы, вероятно, скажете: если это так, то почему же вы молчали об этом более сорока лет?

По двум причинам:

а) так как я все еще верил, что другие гораздо более компетентны, чтобы сделать это, нежели я, потому что у них, благодаря их особенно ответственным позициям, был куда более широкий обзор;

б) так как я просто был не в состоянии понять, что один и тот народ может быть настолько ужасно различен. К сожалению, я должен признать, что речь больше не идет о том самом народе. Иначе сегодня очень многое было бы совсем иначе на немецкой земле, причем, это было бы лучше для всех.

Итак, я сказал себе, что это мой «проклятый долг и обязанность» — взяться за перо. Написать о том, что я сам узнал и испытал и что я из собственного опыта и с чистой совестью могу высказаться против клеветников и за наш народ — ради правды.

Я жил во времена монархии, как сын Правящего князя. Ребенком я испытывал, как тесно, откровенно и верно наш народ чувствовал свою связь с нашей семьей — и наоборот: наша семья чувствовала себя связанной с нашим народом. Самым явным доказательством этого был тот факт, что ландтаг княжества

Шаумбург-Липпе еще за несколько дней до отречения от престола моего самого старшего брата единогласно просил своего суверена, чтобы тот не отказывался от трона, а оставался. Тогда СДПГ в нашем местном парламенте была самой сильной партией! Но давление со стороны императора, а также имперского правительства было слишком сильным — а наша земля слишком маленькой, — чтобы этот единичный ход был возможен. От обороны родины отказались, военные, а также охотники отступили. Но я после 1928 года чувствовал себя настолько связанным с жителями Шаумбург-Липпе, что один, только с моей женой, смог воплотить волю народа и добиться, чтобы ландтаг прервал приближающиеся к самому концу заключительные переговоры с Пруссией и Шаумбург-Липпе до 1945 года оставалось вольным государством.

В середине тридцатых годов Гитлер старался осуществить государственную реформу в империи. Это означало присоединение маленькие государства к большим (т. е. включение их в состав земель, «внутри» которых они находились, но пользовались традиционной автономией, — *прим. перев.*), чтобы управление стало лучше и дешевле и чтобы укрепить единство империи. Я попросил разрешения поговорить с ним и рассказал о том, что я в 1928 году с огромным успехом сделал для нашего Шаумбург-Липпе. Его это настолько воодушевило, что он немедленно вызвал имперского министра внутренних дел и со словами: «Этот молодой принц — самый лучший демократ из всех нас, ему нужно помочь!», попросил как можно скорее проверить, можно ли сохранить автономию Шаумбург-Липпе.

Очень скоро после этого Гитлер сообщил мне лично, что моя родина останется вольным государством, т. е. самостоятельной в рамках империи. И жители Шаумбург-Липпе очень радовались. Гитлер сделал исключение по отношению к своей собственной имперской государственной реформе, пошел против собственного принципа — так была ли диктатура? Я скорее полагаю, что было как раз наоборот.

Событие вроде этого, пусть даже без особого политического значения — кроме как для небольшой страны и ее людей, — никогда после 1945 года не упоминалось в пользу Гитлера.

Часть 3. «Диктатор»

Что это вообще были за люди, от которых исходила всемирная клевета, которая распространяется еще и сегодня? До сути вещей можно добраться, только если задать вопрос: что необходимо, чтобы сделать крупномасштабную клевету? Ответ, к сожалению, может быть только один: очень много денег и неслыханная бессовестность.

Люди с очень большим количеством денег и с очень большой бессовестностью никогда не могут жить довольно долго на своей родине. Они скоро стали бы известны, бросались бы другим в глаза с самой неприятной стороны и попали бы в затруднительное положение. Почему эти люди должны делать свои делишки как раз там, где за ними легче всего наблюдать?

Нет, такие дела делают люди, которые по политическим причинам захотели — или вынуждены были — покинуть свою родину. И они вследствие этого мстят своим бывшим соотечественникам тем, что выставляют в плохом виде тех, с кем им пришлось расстаться и кому они тайком завидуют. Внезапно они обнаруживают, что старая родина, собственно, вовсе и не была их родиной. И тогда они свободны от каких-либо сомнений.

Чем больше они за границей ругают свою родину, сначала в беседах, а скоро уже и в прессе, — тем больше замечают, что такая «политика» может быть также прибыльной для них, вероятно, даже очень прибыльной! Нужно лишь найти того, кто точно так же, как они сами, хочет оклеветать народ, из которого они происходят.

Кому больше всего мешал немецкий экспорт? Без сомнения, Англии и США, раньше также и Франции. Итак, антинемецкую пропаганду нигде нельзя было так выгодно разместить, даже продавать, как в Англии и США. То, что из этих двух государств США были гораздо интереснее в этой связи, это само собой разумеется. Только в США для этого можно было получить достаточно денег, только в США умеют устраивать такие дела во всемирном масштабе и только в США можно найти нужных для этого абсолютно бессовестных деляг. И в США, пожалуй, эмигрантов живет больше, чем где-нибудь еще. К этому добавляется и то, что мы, немцы, особенно со Второй мировой войны, все, что приходит к нам из США, воспринимаем с каким-то буквально гротескным преувеличением.

Ограничившись, впрочем, нужно сказать о том, что сегодня в Германии симпатизируют в основном американцам, не имеющим практически никакого отношения к выдающимся кругам

общества, которым с момента возникновения Соединенные Штаты Америки обязаны своим огромным подъемом — и тем самым ее силе и уважению в мире.

После нескольких моих поездок за границу я очень хорошо знаю эти консервативные круги юга — и я уважаю их. Но у них нет ничего общего с Рузвельтами и Кеннеди, Шлесинджерами, Киссинджерами и Рокфеллерами, пусть даже они очень богаты и уже довольно долгое время весьма успешны в своем роде.

Разве не генерал Эйзенхауэр отдал целое состояние, чтобы скупить один из самых подлых и пошлых антинемецких провокационных листков и распределить его среди армейского командования?

Когда я в последний раз несколько недель гостил в США у нескольких очень консервативных американцев, живущих близ озера Эри, один уважаемый газетный издатель в своей застольной речи по поводу данного в честь знаменитого мистера Крипса и меня обеда сказал мне: «Дорогой принц, когда вы снова отправитесь туда, на вашу родину, то скажите вашим немецким соотечественникам, что мы, американцы, никогда не имели ничего против немцев. Мы никогда не ненавидели их — и даже на войне не ненавидели. Но если ваши немцы по-прежнему будут позволять клеветать на себя, если они не сделают в будущем ничего, чтобы опровергнуть всю эту ложь и заставить лжецов замолчать, если они не сделают ничего, чтобы сохранить честь немецкого народа, тогда у немцев скоро больше не будет друзей в мире!»

И после того посещения один особенно популярный священник, глава большой общины — во время моего заключения в МВТ (Международный военный трибунал) в Нюрнберге он был там армейским капелланом, — пригласил меня в следующее воскресенье прочитать проповедь в его большой, очень внушительной церкви. Община была уже письменно приглашена — с указанием о моей речи. На мой вопрос, на какую тему мне нужно будет выступить, так как, чтобы свободно говорить на английском языке, мне нужно было немного подготовиться, священник ответил: «Тема, которую я объявил, звучит так: „Противоправность Нюрнберга“. Я сделал бы это только с разрешения посольства моего государства. Он, священник, своими глазами видел казнь наших товарищей через повешение во Дворце правосудия в Нюрнберге и всегда был против противоправности Нюрнберга. Его семья была немецкого происхождения.

В нюрнбергском Дворце правосудия один громадный негр из батальона охраны по пути на допрос незаметно и тихо обратился

ко мне и сказал: „Ты, принц, — раб, и я — раб, мы должны держаться вместе!“

Мы понимали, что виновны в этом не американцы, а совершенно определенный вид американских граждан. Это были сплошь эмигранты, в большинстве случаев еврейского происхождения и значительной частью родом из Германии. Многие из них работали в бюро МВТ как следователи, дознаватели и т. д. Среди них постоянно крутились клеветники. Если ложь приобретает официальный характер, из нее очень легко получаются приговоры — и даже если это будут смертные приговоры!

Послушаем в последний раз доброго француза Лебона:

> „История преступлений толпы вполне подтверждает все вышесказанное. Как типичный пример можно привести убийство губернатора Бастилии де Лоней. После взятия этой крепости губернатора окружила очень возбужденная толпа, и со всех сторон его стали осыпать ударами. Одни предлагали его повесить, другие — отрубить голову или привязать его к хвосту лошади. Отбиваясь, он нечаянно ударил ногой одного из присутствующих. Тотчас же кто-то предложил, чтобы получивший удар перерезал горло губернатору, и это предложение было немедленно принято толпой. Тот, кому пришлось выполнить роль палача, был повар без места, отправившийся вместе с другими зеваками в Бастилию посмотреть, что там делается. Повинуясь общему решению, он был убежден, что совершает патриотический подвиг и даже заслуживает медали за то, что убил чудовище. Врученной ему саблей он ударил губернатора по голой шее, но сабля оказалась плохо заточенной. Тогда он преспокойно вынул из своего кармана маленький ножик с черной ручкой, и так как, будучи поваром, он научился резать мясо, то при помощи этого ножа благополучно окончил операцию, которую должен был сделать“.

Общее число жертв инквизиции в Испании, Италии и Франции, в результате английской, французской и русской революций, а также марксистских восстаний в Чехословакии, Венгрии, Австрии и Германии во времена Веймарской республики можно оценить только приблизительно — однако оно могло бы превзойти девять миллионов человек. А если мы подсчитаем всех тех немцев — мужчин, женщин и детей, — которые были убиты различными оккупационными властями в Италии, Польше,

Румынии, Словакии, Чехии, Венгрии, на всей территории империи, речь может идти о гораздо большей цифре, чем шестьсот тысяч.

Более 10 000 в большинстве случаев очень молодых мужчин из войск Ваффен-СС были убиты после заключения перемирия без какого-либо судебного производства лишь потому, что у них на руке была татуировка с указанием группы крови, сделанная, чтобы при ранении они могли сразу получить правильную медицинскую помощь. Верховный судья Ваффен-СС и полиции подтвердил мне уже в Нюрнберге, где я познакомился с ним, что число убитых, по всей вероятности, превышало 50 тысяч человек. Показания Верховного судьи доктора Райнеке на Нюрнбергском процессе было таким серьезным обвинением для победителей, что процесс приостановился, пока из США не поступило указание продолжать. К сожалению, в Нюрнберге было слишком мало таких людей, как Райнеке, иначе большой процесс и все последовавшие за ним процессы никогда не были бы доведены до конца, все же они в значительной степени опирались на так называемые улики немецких предателей, которые все пытались спасти только собственную шкуру.

Когда нас в Нюрнберге вели на допрос, мы иногда случайно могли видеть некоторых из этих „господ“ — прежних офицеров и дипломатов, которые когда-то давали присягу Адольфу Гитлеру и не смогли в достаточной мере доказать свою „верность“.

Я со слов некоторых самых близких друзей Гитлера знаю, что он придавал исключительно большое значение присяге. Для него было невообразимо, чтобы немецкие чиновники или военные могли нарушить свою клятву. Он потому и не принуждал никого к принятию присяги. Кроме того, ни у кого не было сомнений по поводу того, что клятва фюреру была всегда неизменно связана с клятвой Германской империи. Поэтому тот, кто умышленно нарушил позже присягу фюреру, нарушил тем самым и свою присягу Германской империи. Это соответствовало традиции, прежней клятве „императору и империи“.

Также и по соображениям безопасности не хотели привязывать присягу к жизни только одного человека. Клятвопреступники предали также империю, и это, по-моему, во многом связано с произошедшим разделом Германии. Для немцев как раз наступило время вспомнить об этом и с этой позиции выступить против клеветы на наш народ.

И тем самым мы добрались до корня проблемы, так как всемирная клевета против всего немецкого началась отнюдь не во времена Гитлера. Это неправда, что она была организована из-за него, его партии, планов и действий. Правда в том, что клевета

против Германской империи и народа началась еще тогда, когда имперская идея, благодаря князю Отто фон Бисмарку связанная с пруссачеством, предоставила всем немецким людям огромную возможность. Чем больше клеветники со всей их ненавистью концентрировались на императоре и его князьях — а впоследствии на Адольфе Гитлере и его движении, — тем больше их главной и единственной целью было уничтожение империи и полное лишение силы немецкого народа.

Методика клеветы вполне отчетливо разоблачает это снова и снова. Почему же в противном случае как раз те же самые круги вообще не волнуются, когда другие государства, другие политические силы, другие народы делают что-то намного, намного худшее, чем то, что приписывается нашему народу?!

История немцев не демонстрирует ничего такого, что можно было бы сравнить, хотя бы чуть-чуть, с инквизицией, с английской и французской революциями, с русскими революциями и со всем, что было причинено нам, немцам, после окончания перемирия со стороны нескольких держав-победительниц — причем я определенно снова должен упомянуть, что, на мой взгляд, также и эти державы-победительницы ни в коем случае не являются обвиняемыми, а что обвиняемый — это почти всегда та более или менее анонимно борющаяся сила, которая действует исключительно с клеветой и травлей — причем уже больше ста лет!

Как раз эта власть систематически работает не для какой-то одной страны и не из какой-то одной страны, а всегда действует интернационально. Безграничное злоупотребление демократией в очень многих государствах Земли предоставляет той международной гангстерской банде подстрекателей и клеветников все возможности, чтобы терроризировать большую часть человечества, чтобы вскоре в мире больше не было народов, а только лишь „человеческие массы“, которых можно было бы распродавать по своему усмотрению.

Так как наш народ был так хорош, прилежен, умел, уважаем, то он уже десятилетиями числится у клеветников первым номером в списке подлежащих уничтожению целей. Европа без Германской империи — это больше не „Западная Европа“. И как раз в „Западной Европе“ больше всего нуждается человечество, все больше становящееся жертвой материализма. „Возможно, что немец еще раз исчезнет с мировой сцены; ибо у него есть все качества, чтобы завоевать себе небо, но нет никаких качеств, чтобы утвердиться тут, на Земле, и все нации ненавидят его, как зло ненавидит добро. Но если им, однако, действительно однажды удастся изгнать его, то возникнет состояние, когда они

снова захотят своими ногтями вырыть его обратно из могилы“.

Кристиан Фридрих Хеббель, „Дневники“, 4 января 1860 года.

И тут я приступаю к „диктатору“ Гитлеру. Сегодня он — благодаря вражеской пропаганде — во всем мире считается прототипом диктатора, т. е. „самодержца“. Диктатура может исполняться одиночкой или группой (партийная диктатура), пишет после 1945 года большой словарь Бертельсманна.

Цитата:

> „По своему происхождению из Римской республики диктатура считается поручением для устранения определенных чрезвычайных положений (война, гражданская война), ее срок ограничен по времени, ее исполнение привязано к определенным правилам…“ В современной истории диктатура тесно связана с появлением современных конституций. Как во время английской революции 1642–1649 гг., так и французской революции 1878–1899 гг. первоначальное свободное народное движение закончилось диктатурой, которая осуществлялась не отдельными людьми, а определенными группами и не по поручению, а из собственной полноты власти, опираясь на религиозные мотивы или право народного суверенитета. Также здесь диктатура рассматривалась как временное мероприятие для подготовки нового поколения и искоренения старого, испорченного поколения, тем не менее она закончилась единовластием Кромвеля или Наполеона.
>
> …при этом часто упускается из виду, что также современное уголовное право знает исполняющую временные обязанности диктатуру как мероприятие чрезвычайного положения, согласно Веймарской конституции (§ 48) — также закон о предоставлении чрезвычайных полномочий…
>
> …форма государственного правления, при которой исполнение государственной власти в высшей компетентности охвачено одним государственным органом, (так) в Третьем рейхе сначала правительством, позже главой государства, в Советском Союзе парламентом, причем, пожалуй, по организационным причинам проведено разделение властей, но принцип сдержек и противовесов властей не осуществлен…
>
> …диктатура — это также регулярное тоталитарное государство, напротив, в современности она только редко бывает абсолютистским государством; скорее

преобладает конституционная диктатура».

Если в случае Гитлера можно вообще говорить о диктатуре, то, по-моему, только о конституционной диктатуре, так как он никогда, прежде всего в существенных вопросах, не действовал совсем в одиночку, зато большей частью принимал решения в рамках соответствующих законов и в согласии с имперским правительством. В совсем особых случаях он ставил вопрос, как известно, на голосование народа и руководствовался этим (Саар, наследие Гинденбурга, закон о предоставлении чрезвычайных полномочий) — будь это с помощью плебисцита, будь это через голосование в рейхстаге.

В 1933 году он, несомненно, мог бы прийти к власти и без голосования в рейхстаге. Но он предоставил себя и свое правительство решению старого рейхстага, где кое-кто голосовал за него, как будущий федеральный президент Теодор Хойсс и федеральный канцлер Конрад Аденауэр, с честными намерениями и отдавая Гитлеру свой голос, вовсе не будучи членом НСДАП.

Гитлер сам никогда не воображал, что обладает властью диктатора. Сделанное им во время войны признание, "если у кого-то из нас есть диктаторская власть, то у Рузвельта — от него в его стране зависит гораздо больше, чем от меня в моей", свидетельствует, на мой взгляд, о многом. И он считал Сталина еще гораздо более сильным, чем Рузвельт.

Когда Гитлер въехал во дворец президента Германии, он попросил о нескольких архитектурных улучшениях. Прежде всего его не устраивала страшно старомодная ванная Гинденбурга. Он попросил модернизировать обстановку, стараясь избегать больших расходов. Тогда счетная палата сообщила ему, что он должен сам нести расходы, и, кроме того, у него не было разрешения на перестройку. Гитлер настаивал на том, что древняя обстановка ванной и без того должна была исчезнуть. Кроме того, он считал, что фюрер и рейхсканцлер все же, пожалуй, мог бы сам решить вопрос с ванной, чтобы не тратить время попусту. Он оплатил тогда, насколько я знаю, эти расходы из своего личного кармана. Все-таки дворец был государственным владением.

Это происходило приблизительно в то же время, когда Гитлер показывал моей жене и мне — по нашей просьбе — среди прочего также свою спальню. Это была довольно темная, действительно очень просто обставленная комната с несколько старомодной, наверняка не очень удобной кроватью. Над ней висел портрет его матери, который он попросил нарисовать — скорее всего, по фотографии. Он говорил, что мать на этой картине очень похожа

и что это один из очень немногих сохранившихся у него предметов памяти о его семье. Он был очень привязан к этому портрету и радовался каждый день, что у него он есть. Эта скорее спартанская комната, несомненно, никак не подходила для разврата какого-нибудь вида, каковые приписывали ему разные махинаторы.

В 1922–1935 годах моя жена и я часто, по несколько раз в неделю, по меньшей мере один — два раза, по вечерам бывали у него в его частной квартире в так называемой Новой Имперской канцелярии. Квартира была вместительной, но безличной. Он не любил ее. Мы сидели вместе вокруг большого, низкого круглого стола — в креслах или на стульях, нам подавали на стол чай, выпечку и маленькие бутерброды.

Сегодня часто утверждают, что Гитлер не давал говорить никому другому. На самом деле было как раз наоборот. Он просил других, чтобы они рассказывали что-то о себе, о своей жизни и т. д. Он отпускал шутки, чтобы беседа стала более непринужденной и чтобы другие приняли в ней участие. Но если это никак не удавалось, и, наконец, все просили его, чтобы он сам что-то рассказал, так как это во многих аспектах было бы интереснее, тогда он уступал и рассказывал часами. И я должен сказать, что это очень часто было большим событием, так как этот человек уже прожил к этому времени очень интересную жизнь. Он вспоминал все с невероятной объективностью и поэтому с поразительной скромностью.

Я знаю, многие не поверят мне — тем не менее, я не могу изменить это. Я пишу не для того, чтобы кому-то сделать приятное, а чтобы служить правде. Что мне делать, если я никогда не знал плохого Гитлера? Должен ли я выдумать еще более плохое? Кому я этим помогу? Определенно, не моему народу, и на длительную перспективу и его врагам я этим тоже не помогу.

Я знал очень многих известных, можно даже сказать знаменитых художников, политиков, государственных деятелей, нескольких правящих монархов во всем мире. Со многими из них я дружил — точно так же дружил, как с очень многими абсолютно неизвестными рабочими, крестьянами и солдатами. Но другого такого человека, как Адольф Гитлер, по-моему, не было даже приблизительно.

Об этом очень тяжело писать, чтобы не подвергнуться осмеянию и даже не попасть под подозрение: но если я должен высказаться честно и откровенно — и я хочу только этого, все остальное было бы не только бессмысленно, но и плохо, — тогда я должен признать, что Гитлер совершенно определенно был

весьма исключительным человеком. Я часто и совершенно серьезно спрашивал себя, можно ли вообще сравнивать этого человека с другими людьми или его нужно рассматривать с совершенно иной точки зрения.

На большой старой вилле перед воротами Вены над виноградниками на горе Каленберг есть симпатичный погребок, в котором после Второй мировой войны очень любили собираться по вечерам американские старшие офицеры. Бар, так тоже можно было бы сказать, где между балок все было расписано орнаментами.

Владелица, прекрасная княгиня Виттгенштайн, провела меня туда и попросила, чтобы я сначала критически рассмотрел живопись и только потом прочел художественно вписанные между ними изречения. Я рассмотрел все очень точно и сказал, ничего не зная заранее: "Мне кажется, что у этого художника есть в то же время чувство архитектуры — особенно для определенных законов природы, например, "золотое сечение", потому что это все гармонирует между собой так великолепно". "Это очень интересно, — сказала княгиня, — а теперь ты должен прочитать изречения".

Я прочел. Не могу дословно вспомнить, но смысл был такой: "Я знаю, что моя жизнь будет очень необычной, чрезвычайной, но конец будет катастрофой!" Теперь княгиня, кстати, отнюдь не национал-социалистка, сказала мне: "Один ученик нарисовал и написал все это. Также и слова, такие удивительные, написаны исключительно им. И здесь расписка о получении денег за работу, которую я нашла среди старых документов, и на нем написано, что все эти работы сделал ученик маляра по имени Адольф Гитлер".

Это были орнаменты, слова и мысли, в которых не было ничего общего с насилием — это было выражение очень глубокой эмоциональной жизни, или, если мы хотим назвать это абсолютно правильно: было что-то фаустовское (фаустовское: глубоко исследующее; борющееся; гениальное) в этом в конечном счете всегда загадочном человеке.

Когда однажды беседа между ним и доктором Геббельсом мимоходом перешла в спор о фаустовском в немцах, то Гитлер стал очень серьезным и, я бы даже сказал, несколько меланхолическим, каким я его прежде никогда не видел. Я подумал об оценке его доктором Геббельсом: "Иногда он кажется мне зловещим — как будто бы он не жил в этом мире, — и, как ни странно, именно тогда он наиболее зачаровывающий. Я никогда не пойму его полностью, он — больше, чем просто человек. Нет никого, который изучил бы его так, как я. Но кто же

постарается уже действительно познакомиться с этим человеком — кто все же? Кто знает о его выдающихся качествах, о его скромности по отношению к судьбе — кто догадывается об этом? Никто! Если бы они заметили, что он не хочет быть их идолом, также не хочет быть их богом, а что он живет только своим заданием, которое одно "не от мира сего", — тогда они боялись бы его, так как они не знают ничего настоящего".

Я очень старался воспроизвести точно по памяти эти слова Геббельса. Я записал их только тогда, когда они были настолько близки ко мне, что мне казалось, что я слышу их. Естественно, мне в этом существенно помогал тот факт, что меня тогда эта тема интересовала как никакая другая.

Сэр Хьюстон Чемберлен писал в своей книге "Основания девятнадцатого столетия", том 1, глава "Наследники", среди прочего:

> "Все же аскетизм увеличивает интеллектуальные способности и, если проводить его с железной последовательностью, достигает своего апогея в полном преодолении чувств; они все-таки могут тогда служить дальше, как будто материал для фантазии, таинственного благоговения святой Терезы или таинственной метафизики Чхандогья, отныне это сделанные подчиненными воле, возвышенные и облагороженные силой души чувства, то, что индийский религиозный учитель стремится выразить словами: "Знающий уже в годы жизни бестелесен".

В другом месте Чемберлен писал на ту же тему: "Однако не в том, что он хотел делать, а в том, что он должен был делать, лежит величие каждого выдающегося человека". Кто побудил молодого ученика маляра Гитлера нарисовать те слова между орнаментами в погребе виллы на горе Каленберг? Было бы бессмысленно делать это, если бы он не должен был делать это. Только более высокая сила могла придать ему мужество и решимость для этого. То, что именно он — молодой Гитлер — делал эти работы, написано в расписке и определенно подтверждено мастером.

И эти мысли, которые в данном случае буквально напрашиваются, обращают наше внимание на то, что каждый настоящий гений был, по меньшей мере, частично универсальным гением.

Я своими глазами видел, что Гитлер доминировал в чисто технических переговорах с ведущими сотрудниками заводов "Мерседес-Бенц", т. е. абсолютно превосходил элиту технических

специалистов.

Я слышал, как он в беседе с итальянским министром юстиции, когда тот захотел точно описать Парфенон, оспаривал архитектурные сведения итальянца. Речь шла о том, что Гитлер решился доказать закономерность красоты, а министр отказывал грекам в этом. Наконец, Гитлер попросил меня, чтобы я достал ему блокнот для рисования, линейку и карандаши — от ластика он отказался.

Спустя короткое время он прервал беседу с министром и очень быстро и очень точно изобразил Парфенон. По памяти, без какой-либо помощи и абсолютно неожиданно, так как никто не предвидел, что беседа с итальянцем коснется этой теме. Когда рисунок был готов, принесли энциклопедический словарь, в котором были указаны размеры. Они совпали — в масштабе, естественно — точь-в-точь с размерами на рисунке Гитлера. И тогда Гитлер легко смог доказать итальянскому министру, в каком отношении закон "золотого сечения" находит свое выражение как закон красоты в великолепном строении.

Со служебной или с политической точки зрения я, конечно, не представлял для Гитлера ничего особенного. Но со светской точки зрения, я думаю, что мы, моя первая жена графиня Александра цу Кастелль-Рюденхаузен и я, очень нравились ему, — пока другие не отлучили нас от него.

Часть 4. Роковая нехватка знания людей

Я нечасто бывал в Мюнхене. Однако однажды, когда мне довелось там быть, я проходил мимо "Коричневого дома". Как раз в это мгновение Гитлер без какого-либо сопровождения вышел на улицу. Он увидел меня, поздоровался и спросил, не хочу ли я пойти с ним. Он как раз собирался осмотреть большую новостройку рядом, там кое-что нужно было изменить. Я обрадовался и охотно пошел с ним.

Мы встретили на строительстве нескольких рабочих, которые обращались с ним так, как будто бы он был одним из них — только особенно любимым. Вообще его отношение к человеку всегда казалось мне совершенно особенным. Послушаем все же прямо здесь Освальда Шпенглера, о котором Гитлер не любил говорить, он в заключительной главе второго тома своего "Заката Европы" писал: "Последний, заключительный акт фаустовской мудрости, хотя бы только в ее высших моментах, есть растворение всего знания в огромной системе морфологически-исторического сродства. Динамика и анализ по смыслу, языку форм и субстанции идентичны с созданиями готической архитектуры и династического государства, с тенденциями нашей становящейся все более социалистической хозяйственной жизни и нашей импрессионистской масляной живописи, с инструментальной музыкой и христианско-германской догматикой. Одно и то же мирочувствование говорит во всех. Они родились и состарились вместе с фаустовской душой. Они изображают эту свою культуру как исторический феномен в мире дня и пространства. Соединение отдельных научных аспектов в целое будет носить все черты великого искусства контрапункта. Инфинитезимальная музыка безграничного пространства Вселенной — таково всегда было глубокое взыскание этой души в противоположность античной с ее пластическо-эвклидовским космосом. Сведение в качестве мыслительной необходимости фаустовского мирового рассудка к формуле динамическо-императивной причинности, принявшее образ наделенного диктаторским авторитетом естествознания, — таково ее великое завещание духу грядущих культур, завещание высочайшей трансцендентности форм, которое, может быть, никогда никем не будет вскрыто. И с этим, усталая от своих стремлений, западная наука вновь вернется к своему душевному отечеству".

К концу Второй мировой войны появилась отличная книга

Курта Пфистера об императоре Фридрихе II Гогенштауфене, которого уже в его время называли "Преобразователем мира". Эта книга, так я знал, очень нравилась Гитлеру и занимала его. Моя жена в 1945 году купила ее для меня — буквально за последние гроши, — чтобы прислать мне ее в лагерь. Так как мы как пленные были вынуждены жить там в любом отношении в недостойных человека условиях, ей пришлось с большим риском обходными путями передать мне эту книгу в лагерь. И я мог читать ее только тайком. Эта книга для меня — моя жена это знала — имела, конечно, решающее значение. Позже, спустя годы, она однажды сказала мне, что заметила в книге так много параллелей, и она знала, что они очень помогут мне выжить. И ведь именно так и произошло. Параллели действительно там есть, и не только в политическом смысле — имперская идея Западной Европы, — но и в чисто человеческом.

Босхарт однажды написал: "У гения есть что-то от инстинкта перелетных птиц". И ни о чем не говорит, если некоторые на это возражают: "Да, но Гитлер закончил в итоге огромной катастрофой!" Мы, люди, очевидно, не созданы для того, чтобы знать, почему мы живем и что на самом деле лежит за нами. Вероятно, это только сделало бы нас сумасшедшими. Наше задание вытекает из нашего долга, и наш долг восходит к свойственным природе этическим законам. Их можно узнать внутри нас и повсюду вокруг нас для каждого. И чудеса природы должны стать для нас стимулом, чтобы идти правильным путем, а именно: путем вечного порядка природы.

Сегодня к оценке даже самых гениальных людей подходят прямо-таки преступно легкомысленно. Лгут и обманывают даже не ради идеалов, а только ради звонкой монеты. Глубже больше стараются не заходить. Отлив дошел до самой низшей точки, и как раз сейчас наступило время, чтобы прилив накатился на него, поборол его, смыл всю грязь на сушу, где она сгорит на солнце, и вода опять станет такой прозрачной, что мы, по крайней мере, там, где стоим, снова сможем увидеть дно.

Не критика и не наука помогли мне узнать Гитлера как человека, а наблюдение за его мышлением. Мне повезло, что я мог наблюдать за ним во внеслужебной обстановке, без каких либо обязательств и каких-либо предубеждений. По своему происхождению я был, пожалуй, самой резкой противоположностью ему. Каждый из нас открыто признавался в этом другому. Этот факт был, вероятно, ключом для более позднего понимания, которое также основывалось на взаимности. Я был для него интересен не из-за моего происхождения, а именно потому, что он обнаружил во мне революционного

человека, как он сам позже однажды мне сказал. Для него я был первоначально загадкой — как и он для меня. Он завоевал доверие ко мне типичным для него способом: а именно вследствие того, что он видел, каким чудесным был мой брак. Он, пожалуй, не ожидал как раз этого у человека моего происхождения.

Он всегда радовался счастливым бракам. Это, я полагаю, как-то было связано с его любовью к матери. Если он видел несчастный брак у его друзей и товарищей, то он не успокаивался до тех пор, пока не мог снова примирить супругов друг с другом. Так было и в случае с браком Геббельса. Я сам видел это во многих случаях, и иногда упомянутые лица вовсе не стоили, по-моему, этой заботы главы государства. В случае Геббельса, тем не менее, было просто счастьем, что он сделал это. Человеческое у него всегда превалировало над политическим — или скорее: политическое считалось для него таковым только до тех пор, пока оно представлялось ему справедливым с точки зрения человеческого.

И здесь мы подходим к его недостаточному знанию людей. Причем я должен с самого начала отметить, что слово "знание людей" в этой связи, вероятно, совсем неправильное или требует, по меньшей мере, разъяснения. Он умел, пожалуй, отличить верного человека от неверного, трудолюбивого от ленивого, честного от нечестного и т. д. Но у него были некоторые качества, которые мешали ему при оценке людей. Так, он склонялся к тому, чтобы у людей, которые как верные товарищи поддержали его в самые тяжелые времена, не замечать появившиеся позже плохие качеств и слишком легко прощать их проступки.

Одним из самых громких примеров в этой связи был гауляйтер Средней Франконии Юлиус Штрайхер, который вел себя все хуже, в конце концов прямо-таки скандально. Гитлер часто требовал от него объяснений и даже совсем изгонял его из политической жизни, чтобы, однако, снова, так сказать, реабилитировать его через много лет, чего не мог понять никто из нас, включая доктора Геббельса. Все-таки Юлиус Штрайхер в течение долгих лет с его журналом "Дер Штюрмер" ("Штурмовик") проводил антисемитскую кампанию, которая не только уже в принципе не имела ничего общего с официальной установкой НСДАП, но и, сверх того, выставляла нас всех в неправильном свете.

Геббельс часто требовал от Гитлера запрета "Штюрмера", пока ему это, наконец, не удалось, но уже прошло долгое время больших ошибок. Такого человека, как Штрайхер, именно потому, что он принадлежал к числу первых партийцев и раньше был

верным сторонником Гитлера, стоило бы наказать самым строгим образом. Его сняли с должности гауляйтера, но и это не было достаточным наказанием.

С руководителем "Германского трудового фронта" (DAF) доктором Робертом Леем дело обстояло не намного лучше. Когда я лично еще в 1929 году сказал Гитлеру, что Лей самым подлым способом обманул меня и ряд других людей с нашими деньгами, из-за чего мы оказались в самой большой нужде, Гитлер ответил так: "Я никогда не советовал вам давать Лею деньги в долг — я имею дело только с гауляйтером, но не с коммерсантом Леем. Простите, мне жаль, но я не могу вам помочь!" Я возразил: "Но я же только потому доверился Лею, что предполагал, что гауляйтер это все-таки не какой-то бродяга". Но Гитлер сказал, что он не в состоянии контролировать частную жизнь всех своих подчиненных. "Взгляните на другие партии — у каждой из больших партий есть несколько таких вот "Леев" в руководстве. Это плохо, но, к сожалению, это можно изменить только с большим трудом и только постепенно. Я присмотрюсь к Лею, я это вам обещаю, но ваши деньги вам придется возвращать самому". Это удалось мне спустя много лет лишь частично.

Третьим случаем, с которым столкнулся я сам, был балтийский немец Альфред Розенберг, руководитель Внешнеполитического управления НСДАП. Он в ущерб немецкой политике Адольфа Гитлера проводил свою балтийскую политику по собственным представлениям, которые в определенной части вообще не совпадали с представлениями Гитлера. Как только балтиец мог делать немецкую внешнюю политику?

Он во "время борьбы", т. е. до 1933 года, был главным редактором "Фёлькишер Беобахтер" — "Народного наблюдателя", самой большой партийной газеты. На войне он был "имперским комиссаром оккупированных восточных территорий", и тем самым он был ответствен за те ужасные ошибки, которые были сделаны по отношению к столь исключительно преданным нам украинцам.

Тогда доктор Геббельс сказал мне, что он почти уверен в том, что Розенберг — русский шпион, его подруга была такой русской шпионкой наверняка. Геббельс во время войны ни в коем случае не хотел каких-либо контактов между сотрудниками международного отдела его министерства и так называемым "Ведомством Розенберга".

Зато у Розенберга была самая тесная связь с Мартином Борманом, который сначала при Рудольфе Гессе был руководителем штаба у "заместителя фюрера". Примечательно, что не игравший никакой политической роли адъютант Гесса

после полета того в Англию был посажен в тюрьму, а вот политически очень заметный руководитель штаба Гесса господин Мартин Борман был призван в Имперскую канцелярию, а потом стал руководителем "партийной канцелярии фюрера и рейхсканцлера" — с местонахождением в Имперской канцелярии! "Рейхсфюрер Борман" был в 1943–1945 годах самым могущественным человеком после Гитлера. Я знаю это из собственного мрачного опыта, а также лично от доктора Геббельса.

Геббельс в начале 1945 года в моем присутствии назвал Бормана и лейб-медика Гитлера, профессора Морелля, "преступниками в Имперской канцелярии". Также и у Бормана, насколько мне известно, были из прошлых времен связи с СССР — и, по словам доктора Геббельса, это были связи "как раз неправильные".

Профессор Морелль, по моим сведениям, признал перед Международным военным трибуналом (МВТ) в Нюрнберге, что он хотел убить Гитлера. Я же, со своей стороны, скорее полагаю, что он с помощью своих инъекций хотел сделать Гитлера послушным инструментом определенной клики авторитетных политиков.

То, что Гитлер в имперское правительство Дёница включил — наряду с Геббельсом — как раз Мартина Бормана, должно было, по-моему, быть связано с последним большим проектом Гитлера: союз с СССР против США. Гитлер в последний момент телеграфировал в группу армий Кессельринга: "Продержитесь еще при всех обстоятельствах, объединение с русскими против американцев предстоит непосредственно".

То, что такое объединение внезапно создало бы совершенно другую картину, кажется мне непременным. Немцы и русские вместе в один миг получили бы всю Европу в свои руки. По меньшей мере, еще сегодня существовала бы Германская империя, и не было бы никакой клеветы на наш народ — никто не решился бы на это.

Германия — Европа — доминировали бы сегодня на этой земле. Третий рейх смог бы вступить в наследство Первого рейха, и дни международного капитализма были бы сочтены. У Геббельса была еще какая-то малообоснованная надежда, иначе он незадолго до своей смерти не стал бы почти целый час разговаривать по телефону с русским маршалом Жуковым.

Мы в этом весьма отчетливо видим, что как раз тот же Гитлер, который в ходе войны четыре раза предлагал своим врагам очень корректный и честный мирный договор и ни разу не получил ответа, даже в самый последний час еще обладал силой для того, чтобы полностью изменить курс и решиться на самое

крайнее. Наверняка, именно это он имел в виду, когда в своей последней большой речи говорил немецкому народу, что он надеется на то, что народ поймет его, если он будет вынужден решиться на нечто совсем неслыханное.

На войне, естественно, слишком многое зависит от врага и его позиции, чтобы можно было бы действительно всесторонне справедливо обсуждать собственного государственного деятеля. Ефрейтор Гитлер был, несомненно, гениален также и как полководец. Никто из его многочисленных генералов, многие из которых обладали большим талантом и богатым опытом, не отвергал его как полководца, большинство из них им восхищались. В этом отношении он также знал очень многое, что он никогда не мог бы выучить. Как часто я слышал, как генералы говорили: "Откуда у него, собственно, взялись все эти предпосылки для этого? Неужели это только инстинкт?"

Гитлер ненавидел хвастаться. Он вовсе не любил, если, его, так сказать, боготворили. Но политическая пропаганда хотела использовать его образ для агитации. И он не мог оспаривать значение этой агитации для распространения идеи национального социализма. Лао-цзы принадлежит одно высказывание, которое — так я думаю — прекрасно подходит и к Гитлеру: "Мудрец ставит себя позади других, благодаря чему он оказывается впереди людей. Он пренебрегает своей жизнью, и тем самым его жизнь сохраняется".

Действительно, роковую роль в его судьбе сыграли те, кому он помогал, не будучи обязанным помогать им. И в этом отношении его судьба это судьба всего действительно великого. Как писал в 1885 году Фридрих Ницше своей сестре: "Мне кажется, что человек даже при самых благих намерениях может причинить огромный вред, если он достаточно бесстыж, чтобы пытаться принести пользу людям, дух и воля которых для него — потемки".

Тем не менее, Гитлер, без сомнения, сделал немецкому народу и империи исключительно много добра. Каждый серьезный, справедливый критик должен видеть и признать это. Отрицать это было бы бессмысленно и очень вредно для всех.

Часть 5. "Торговля индульгенциями" и самообман

Его идея связи национализма и социализма был определенно новой и очень хорошей. Вследствие этого ему удавалось выровнять самые большие противоречия в народе и так добиться такого внутреннего мира, которого не было ни в одном народе на этой Земле ни раньше, ни позже. Это, пожалуй, неповторимое состояние продолжалось где-то с 1933 года вплоть до Олимпиады 1936 года. С тех пор начали прокрадываться изменения, которые стали заметны всем лишь гораздо позже, к концу войны.

Первый толчком к этому было лишение власти СА, которое началось 30 июня 1934 года. Это стало решающим ударом против национал-социалистической революции. Я смог это впервые почувствовать вечером 30 июня 1934 года. Я со своей женой Александрой находился в гостях у супружеской четы Геббельсов, когда Гитлер, только что приехав в Берлин, подробно и точно рассказал нам, как прошел для него этот фатальный день. Он знал, что я был труппфюрером штурмовиков и одним из трех адъютантов обергруппенфюрера СА группы СА в Берлине и Бранденбурге, разумеется, только для видимости — я был освобожден от службы в СА как адъютант министра.

Во время этой беседы вечером того потрясающего дня Гитлер совсем неожиданно спросил меня: "Где вы, собственно, были сегодня? Обергруппенфюрер Эрнст, ваш начальник, был все же схвачен во время побега — и уже расстрелян!" Я ответил, что я был на службе в министерстве как всегда. "Однако, тогда вам повезло. Если бы вас схватили вместе с Эрнстом, я едва ли мог бы спасти вас". Этот ответ поразил меня как струя ледяной воды. Моя жена тоже была возмущена, она так никогда и не простила ему этот ответ.

Несомненно, было правильно, что он со всей строгостью выступил против Эрнста Рёма и коррупционеров среди наивысших руководителей СА, особенно, что он действовал в обстановке очень серьезной опасности для него самого. Но он ни в коем случае не должен был допустить, что его штурмовики — становой хребет революции, — которых он сам приучил к беспрецедентной самодисциплине, теперь были политически ликвидированы. Он тем самым открыл доступ к революции совсем другим силам — и это стало началом конца.

Среди застреленных — напрасно застреленных — было двое моих лучших друзей: группенфюрер Шнайдхубер и барон фон

Вехмар, бригаденфюрер.

Естественно, мы спрашивали себя — больше чем кто-либо другой — в течение долгих лет, почему Гитлер действовал именно таким образом. Три фактора вынуждали его к этому: партия (позже под влиянием Бормана), рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, который собирался строить собственную власть, и прежний шеф штаба СА Герман Геринг, который теперь считал, что сможет строить национал-социалистическую военную авиацию как свою личную силу.

Когда 30 июня 1934 года около пяти часов вечера Адольф Гитлер прилетел из Мюнхена в берлинский аэропорт Темпельхоф, впервые в качестве почетного караула его встречала рота люфтваффе. Это должно было поразить и обрадовать Гитлера. Тем не менее, лицо Гитлера помрачнело, он практически не обратил на люфтваффе внимания, и Геббельс был в ярости.

Когда я в первой половине того же самого дня сидел в своем бюро на Вильгельмплатц и ждал своего министра, у меня внезапно появился Геринг. Он поздоровался и сразу подошел к большому окну, побарабанил пальцами по стеклу и сказал, не глядя на меня: "Знаете ли вы, собственно, что происходит?" Я ответил, что почти ничего не знаю. Тогда он сказал, абсолютно непонятно для меня: "Сегодня расстреляют начальника штаба Рёма".

Рём, который был, кроме того, имперским министром, расстрелял себя сам, и это с полным основанием, так как он именно как шеф штаба СА был совершенно недопустим, кроме того, опустился как человек и поэтому был предателем. Вермахт, как мне кажется, сыграл тут двойную роль.

Потеря СА автоматически влекла за собой уменьшение роли "Старой гвардии" НСДАП, так как большинство членов "Старой гвардии" уже много лет также являлись и штурмовиками. Таким образом, 30 июня 1934 года медленно, но верно вело к ликвидации революции. Она происходила отныне только лишь, так сказать, "в зале".

И вместе с тем путь оказался свободен для всех тех, которые хотели теперь как можно скорее присоединиться к партии, чтобы заработать каким-нибудь способом на внешнем успехе этого государства и народа. Этих людей настоящие национал-социалисты пренебрежительно называли "наци", "нацистами". С ними и благодаря им партия становилась все более бюрократической. "Старые борцы" больше не чувствовали себя в ней хорошо и прятались в СА или в "Старой гвардии".

Мы видели в этом еще большую трагедию, потому что как раз теперь наступали годы, когда могло бы начаться настоящее

созидание, так как Гитлер создал порядок, народ был счастлив и един как никогда, промышленность мощно развивалась, экспорт сильно вырос и в центре всего развития стоял немецкий рабочий лба и кулака (т. е. рабочий умственного и физического труда, творец как на руководящей, так и на исполняющей должности — *прим. перев.*) — выглядел достойным, уважаемым и веселым.

К чему, пожалуй, стремятся люди, которые могут жить свободно и в счастье и гордиться собой и прогрессом народа? Семья, дом, дети! Это было везде и всюду так. Взгляд в статистику тридцатых годов доказывает больше чем все результаты выборов, что немецкий народ тогда был очень доволен и рассчитывал на длительный мир. Если кто-то станет утверждать, что до 1944 года в Германии существовало значительное сопротивление в народе против Адольфа Гитлера и его правительства, тогда у него либо нет никаких основных знаний о тех временах, либо он очень подлый лжец!

Миллионы немецких людей в 1945–1946 годах поверили, что смогут спастись только ложью. Ежедневно им — бесплатно от врага — поставлялась самая рафинированная ложь либо обходным путем, либо непосредственно на дом. Так возникало то ужасное бесчинство "торговли индульгенциями", когда ради получения "денацификационного сертификата" миллионы людей "спасались" за счет правды и чести всего народа.

Наверняка нигде в мире не врали так много и с такой богатой фантазией, как в Германии послевоенного времени, — я думаю, прежде всего в Западной Германии. Так как более или менее все немцы, прежде всего во время войны, выступали в той или иной форме на стороне национал-социалистической империи, восстановление после 1945 года было абсолютно невообразимым без этих более 90 % всего народа.

Определенно все те, кто при восстановлении нового государства внесли в это дело свой как профессиональный, так и политический необходимый вклад, научились своему труду и применяли его еще раньше в гитлеровском рейхе. Поэтому это никоим образом не преувеличение, если мы скажем, что мужество, решимость, сплоченность и прежде всего вера в Германию — все качества, без которых восстановление из руин никогда не было бы возможным, — происходили именно из той Германии, на которую теперь клеветали самым подлым образом.

Мы обязаны восстановлением Германии немецкому народу, который прожил тридцатые годы и таким образом принес связанное с этим свое отношение к народу и государству, вообще к жизни, и следующее из этого воспитание. Если бы сегодняшнему поколению довелось выполнять те же задачи,

которые выполнило тогда, с 1945 по 1952 год, гитлеровское поколение, тогда из восстановления, пожалуй, почти что ничего не вышло бы. Без больших, вечных идеалов никогда не может возникнуть ничего подлинно существенного для народа и государства!

Первый послевоенный федеральный канцлер, доктор Конрад Аденауэр — которого я хорошо знал лично еще со времени моей учебы, — сам относился к этим людям. При Гитлере он очень старался снова стать обер-бургомистром крупного немецкого города (Кёльна). Гитлер не сомневался в способностях Аденауэра, однако полагал, что ни в коем случае не сможет использовать его на такой важной должности из-за позиции Аденауэра во время рейнского сепаратизма. Однако он предписал, чтобы доктор Аденауэр получал ежегодную пенсию в сумме 40 000 рейхсмарок. Об этом рассказывал мне имперский министр доктор Ламмерс после войны. Он сам обращался к Гитлеру по этому вопросу и был, таким образом, лучшим свидетелем.

Как федеральный канцлер доктор Аденауэр, так и его преемник доктор Курт Георг Кизингер — со своей стороны связного имперского министра иностранных дел Риббентропа с имперским министром пропаганды доктором Геббельсом — знали, конечно, достаточно много, чтобы энергично перед всем миром возражать против клеветы на немецкий народ — однако, они благоразумно воздерживались от этого!

Денацификационные сертификаты были предпосылкой для создания армии клеветников. Поэтому возникло не объяснение прошлого из убеждения или тем более из верности народу и государству и ради мира с бывшими противниками, а из страха миллионов перед зависимостью от вражеских сил и мнимой бесперспективностью заключения мира возникла почти всеобщая, максимально деморализующая ложь, которая очень отягощала всякую истинно немецкую внешнюю политику и делала тем самым внутренний мир невозможным по этическим и моральным причинам.

И чем больше вымирают настоящие свидетели, тем меньше остается у этого народа возможностей возвратиться когда-нибудь снова к полной правде о себе самом.

Но до тех пор, пока народ отягощен этим способом — с полным основанием или напрасно — он едва ли может быть свободным в своих решениях, в своей политике, наконец, вообще в своей жизни. Ведь до тех пор его будут шантажировать другие народы — и столь же долго не закончится также шантаж внутри самого этого народа.

Что же предпринимали против этого послевоенные

правительства Западной Германии? Все самое неправильное! Они пытались выпросить честь народа как подачку или выкупить ее. Однако с помощью падения на колени и выплат денег такую ситуацию можно сделать лишь гораздо хуже — но никогда лучше. Ведь каждый сколько-нибудь разумный человек в других странах должен был сказать себе: "Кто так стоит на коленях и кто так платит, у того наверняка совесть просто неслыханно нечиста!"

И если мы скажем сегодня: "Все же то, в чем там упрекают нас, вовсе не соответствует действительности — это полностью вымышлено, по меньшей мере, в самой большой части!", тогда нам возразят: "Если это действительно так — как мы, впрочем, и предполагали с самого начала, — тогда вы, немцы, сегодня такие плохие парни, что мы больше вообще никак не можем вас уважать. Ведь тогда вы — ради вашего экспорта — просто слишком трусливы, чтобы сказать правду и восстановить вашу честь!"

Человечество оказало себе во всяком случае плохую услугу, когда оно решило разбить народ, империю и прежде всего революцию, которая смогла бы принести — если бы ей помогли — огромную пользу для всех. Все же народы этого высокоцивилизованного западного мира страдают сегодня даже гораздо больше, чем в двадцатые годы, оттого что они служат безграничному материализму и вместе с тем капитализму, что они больше не умеют думать естественно и вследствие этого теряются во все более опустошительной неумеренности. Десятилетиями эти народы сами обманывают себя, предаваясь действительно полному самоуничтожению.

Правительства уже давно действуют в соответствии с учением доктора Эмиля Куэ, по правилам самовнушения, снова и снова, назло любой действительности, несмотря на все мероприятия — вопреки тому, что на самом деле все происходит совсем наоборот — они воспевают нашу счастливую жизнь и хвалят прогресс, который в конце станет закатом для нас всех.

Во время самых ужасных ночных бомбардировок Берлина я мог на целых восемь суток оставить все спасенные вещи из моего сожженного дома без какой-либо охраны на улице — и ни одна мелочь не пропала. При этом это были ценная антикварная мебель, ковры и картины. И это вовсе не было исключительным случаем, а вообще именно так и было в отвергнутой и осужденной "гитлеровской Германии"!

Я еще во время войны мог гулять вдвоем с имперским министром доктором Геббельсом в центре Берлина, по улицам Вильгельмштрассе и Унтер-ден-Линден, и мы не встречали ни одного человека, который не поприветствовал бы нас с

приветливой улыбкой.

В феврале 1945 года я видел в штаб-квартире полка "Фельдхеррнхалле" четырех молодых солдат, которые ревели от ярости, потому что их поймали, когда они хотели без разрешения самым быстрым путем попасть на фронт, чтобы получить право "сражаться, наконец, за Германию".

Одним из самых потрясающих и в то же время самых великолепных переживаний была для меня рождественская ночь 1945 года, когда мы, пленные национал-социалисты — примерно шесть тысяч человек, — окруженные сторожевыми вышками с американскими пулеметчиками на них, без какой-либо предшествовавшей договоренности внезапно вместе запели песню "Я молюсь силе любви". Все американские офицеры и много тысяч немцев сбежались, чтобы посмотреть на нас, слушать и подпевать — и у американского коменданта лагеря, фронтового офицера, были слезы на глазах.

В Нюрнбергском Дворце правосудия один генерал сухопутных войск бросился вниз с третьего этажа на каменный пол первого этажа. Там, где находилось центральное отделение большой тюрьмы, он оставался лежать мертвым перед нашими глазами. Вскоре после этого некоторые начали петь в своих камерах, и все больше и больше людей присоединялись к ним, до тех пор, пока мы не подпевали все — заключенные национал-социалисты и не национал-социалисты и даже несколько иностранцев; до тех пор, пока в огромных подвалах не загремела со всей мощью песня — та песня, которая раньше так легко слетала с наших губ и теперь еще раз поднималась из самой глубины души: "Мы поклялись Адольфу Гитлеру…"

Немецкие солдаты, офицеры, генералы, профессора, священники, юристы, судьи, врачи и многие другие пели ее. Десятки из них уже знали, что их повесят, — так как никто там не был таким, как утверждали совсем просто "незнающие".

Многочисленные подразделения тяжеловооруженной американской пехоты ворвались в тюрьму, танки союзников окружили тюремное здание, когда "тюрьму чести" (место заключения для высокопоставленных арестантов — прим. перев.) накрыла ночь.

Часть 6. Система клеветы

Конечно, это только маленькие фрагменты. Как раз только то, о чем я могу рассказать из собственного опыта. Но это показывает, как я думаю — вероятно, именно поэтому, — какими были люди на самом деле до и после 8 мая 1945 года. Я только один мог бы сообщить из своего опыта еще очень много подобного — что изображает наш народ и всех, кто принадлежал к нему, в гораздо лучшем свете, чем это преподносили почти все те, кто после войны участвовал в травле и клевете.

Отдельный человек может совершить преступление. Сегодня со зверскими детоубийцами обращаются с самым большим снисхождением. Один из наихудших (Юрген Барч) мог даже вступить в брак в тюрьме при содействии священника, со свадебным столом, гостями и шампанским.

Но шестидесятимиллионный народ, которого усилиями более или менее анонимной стороны втянули во Вторую мировую войну, как раз посреди его мирной революции, его созидательной работы, его наконец достигнутой общности и удовлетворения, этот народ можно десятилетия подряд называть "преступным", снова и снова можно его ругать и шантажировать, как раз в таком духе, чтобы проворачивать гигантские дела, — народ, который принес человечеству так много добра за тысячу и даже больше лет!!! Нет, невозможно, чтобы это продолжалось! Этого не должно быть! Никому на свете это не принесет пользы — разве что мерзавцам.

Собственно, нет ни одного плохого качества, в котором бы уже не упрекнули многократно наш народ. Уже только один этот факт — доказательство того, что о нашем народе распространяется преимущественно ложь, ибо не бывает такого народа, у которого есть только плохие качества, никогда не бывало, не предусмотрен такой народ в порядке этого мира и также никогда он не вошел бы в этот миропорядок.

Мы уже в двадцатых и тридцатых годах старались узнать, из каких кругов исходят вся эта враждебность и ложь. Очень скоро мы обнаружили, что за этим скрывается система. Нам бросилось в глаза, что атаки направляются, в общем, преимущественно против определенных людей и в особенности против совершенно определенных качеств этих людей. Качеств, которых часто вовсе не было или нет; однако как раз этим людям их приписывали, так как иначе, по-видимому, к ним нельзя было подступиться.

Например, Адольфа Гитлера совсем просто называли чехом. Эта уловка оказалась настолько успешной, что даже президент

Германии генерал-фельдмаршал Гинденбург даже в тот день, когда он впервые принял Гитлера, был твердо убежден в правдивости этого утверждения. Только в течение беседы Гинденбург удивился и прямо спросил Гитлера об этом. Вопрос можно было выяснить совсем просто: оказывается, город под названием Браунау есть не только в Верхней Австрии, но и в Чехословакии. Так Адольфа Гитлера сделали урожденным чехом.

Этот Браунау в так называемой "маленькой земле Браунау" называется по-чешски Броумов, и среди его 8000 жителей всегда было очень много немцев. В отличие от него Браунау в Верхней Австрии насчитывает уже более 12 000 жителей, и это очень старый немецкий город. Даже если Гитлер был бы родом из Броумова, он вполне мог бы быть немцем по происхождению, тем более что в его имени и фамилии нет абсолютно ничего чешского, и звучат они исключительно по-австрийски. Однако эта прямо-таки гротескная ложь на протяжении десятилетий и вплоть до сегодняшнего дня очень навредила престижу Гитлера и немецкого народа, который якобы посвятил свою жизнь "чеху".

Примерно три года назад большая немецкая ежедневная газета "Висбаденский курьер" на первой странице опубликовала статью с иллюстрацией о том, что Имперское правительство Германии во время Второй мировой войны якобы назначило за потопление огромного английского пассажирского лайнера "Куин Мэри" премию в размере 60 000 марок. Я с возмущением узнал о такой лжи и захотел выяснить, откуда взялось это сообщение. "Висбаденский курьер" сообщил мне, что сведения об этом пришли от Би-би-си (British Broadcasting Corporation), причем через ДПА (Немецкое агентство печати). Я попросил высказаться на эту тему самого высокопоставленного офицера военно-морских сил ФРГ, командира управления военно-морского флота в министерстве бундесвера и гросс-адмирала Дёница. Все трое заверили меня письменно, что в германском военно-морском флоте никогда и ни за какие цели не назначались денежные премии. Все три офицера отвергли это сообщение как возмутительное.

Для меня не требовались лучшие доказательства. Я сообщил этот результат "Висбаденскому курьеру" и попросил редакцию, чтобы она опровергла напечатанное в газете сообщение, сразу и на том же самом месте, и опубликовала правду. Редакция ответила, что она была бы готова опубликовать мое читательское письмо под мою ответственность. Кроме этого, сама она ничего не могла бы предпринять, так как сообщение Би-би-си пришло через ДПА.

Один высокопоставленный немецкий дипломат однажды за

границей в присутствии моей жены долго и словоохотливо рассказывал мне о том, как ужасно приходилось ему страдать от тирании Гитлера, пока он не решился в определенном году эмигрировать и этим — слава Богу! — спасся от наихудшего. Мы не поверили ему и пересчитали позже, сколько лет было этому мужчине в то время, когда он так страшно страдал при Гитлере: ему было в то время примерно шесть лет!

Однажды во второй половине войны мне нужно было прибыть к начальнику штаба СА в Имперской канцелярии. Меня попросили подождать в комнате адъютантов. Я как раз беседовал с шефом группы адъютантов, группенфюрером СА Гиргензоном, когда вошел хорошо выглядевший офицер и группенфюрер поздоровался с ним очень приветливо. Тогда офицер представился мне, и я узнал, что ему еще до 1933 года делали предупреждения, когда он, молодой офицер рейхсвера, маршировал в форме, размахивая флагом со свастикой, во главе процессии демонстрантов СА. Пока этот офицер был у начальника штаба, а я еще должен был подождать, я узнал, что его кандидатуру рассматривают для назначения на должность руководителя группы адъютантов, так как он считался самым убежденным национал-социалистом из всех молодых офицеров!

Речь при этом шла о графе Штауффенберге, который позже пытался убить Гитлера с помощью бомбы в его штаб-квартире "Вольфшанце". Гитлер, как известно, остался жив, но несколько высших офицеров и гражданских чиновников были ранены или убиты. Гитлер через генерала полиции, обергруппенфюрера доктора Мартина, руководителя СС в секторе Средней Франконии, передал выражения соболезнования вдове или матери графа Штауффенберга, я думаю, это была мать, и передал большой букет цветов. И так как в народе царило большое возмущение против графа Штауффенберга, Гитлер отдал, кроме того, распоряжение защитить его семью. Об этом мне впоследствии в подробностях рассказал сам доктор Мартин в лагере Херсбрук.

Вражеская пропаганда во время войны и клевета против нашего народа после войны до сегодняшнего дня, пожалуй, никого так не смешала с грязью, как СА. Как раз ту организацию, которая была воспитана в максимальной самодисциплине, и миллионы людей из рабочего класса, в подавляющем большинстве социал-демократов и коммунистов, своим личным убеждением, собственными жертвами и чистой порядочностью превратила из врагов в товарищей. Я могу сказать об этом открыто и честно, потому что я сам пережил это в течение долгих лет. Поэтому я точно знаю, что эти штурмовики — за

исключением совсем немногих попутчиков, шпионов и провокаторов врага — не имели практически никакого отношения к преследованиям евреев в 1938 году. И те из них, которые, как было доказано, на самом деле участвовали в этих событиях, были очень сурово наказаны по личному распоряжению Гитлера.

На меня произвело очень большое впечатление, когда я своими глазами наблюдал эту особенную образцовость штурмовиков во время партийного съезда НСДАП в 1929 году в Нюрнберге. Гитлер как раз был в Доме культурного общества, провозглашая свою программную речь перед примерно 1500 членами партии и СА, когда мы услышали снаружи мощный шум. Спустя несколько минут мы увидели, что большая, тяжелая входная дверь была вскрыта силой. Большинство людей в зале встали, чтобы в большом волнении посмотреть, что происходит за ними. Гитлер крикнул с выдающимся спокойствием: "Партийцы, то, что происходит там позади, даже близко не так важно, как то, что я должен сказать вам в моей речи. Потому, пожалуйста, садитесь снова на свои места, слушайте меня, а все прочее предоставьте нашим СА".

Действительно, все снова сели, и Гитлер говорил дальше, будто ничего не случилось. В зал пытались проникнуть несколько сотен коммунистов во главе с печально известным преступником Максом Хёльцем, которые специально приехали из Берлина, чтобы превратить — как они сами громогласно возвещали — весь партийный съезд НСДАП в "одну большую кровавую баню"! Но штурмовики образовали стену, которая была настолько тверда, что они смогли медленно, но верно вытеснить всех коммунистов сначала из зала и, наконец, из всего дома.

Они могли бы легко избить коммунистов — но это было запрещено СА. Штурмовикам пришлось позволить противнику бить себя, но тем более решительно они вытолкнули их прочь. Затем Гитлер послал доктора Геббельса проехаться на машине по всем улицам Нюрнберга, чтобы Геббельс напомнил всем штурмовикам об обязательной дисциплине. В результате конфликта был один погибший и несколько раненых — разумеется, исключительно со стороны СА!

В 1932 году в Берлине во время похорон убитого марксистами члена гитлерюгенда Герберта Норкуса, я видел, как коммунисты специально закидывали нас — доктора Геббельса и его сопровождение — с небольшого расстояния с высокой стены тяжелыми камнями. Геббельс стиснул зубы и незаметно шепнул нам: "Стойте спокойно, не подавайте виду, только не позволяйте себя спровоцировать!" И каждый из нас передавал эти слова дальше. Все руководствовались этим, иначе была бы кровавая

бойня неслыханного размаха. Когда мы позже уходили с нашими боевыми песнями всей массой через этот самый "красный" район Берлина, многие из коммунистов присоединялись к нам, маршируя "тем же самым шагом в наших рядах"!

Революция Гитлера была хоть и всеохватывающей, если даже не одной из самых больших революций вообще как в политическом, так и в духовном отношении, но она неповторимо отличалась своей дисциплиной. Именно так она и пришла к власти. Именно в этом она больше всего отличалась от ее противников. Поэтому клевета на наше немецкое прошлое нигде не является такой жестокой, как там, где она просто пытается полностью стереть эту дисциплину из памяти немцев. Клеветники очень хорошо знают, что такая дисциплина, как эта, предполагает непреодолимо сильную веру. Такая вера могла бы появиться и еще раз, даже и без Гитлера и национал-социализма, только опираясь на закономерности природы, например.

Когда граф Хельдорф, начальник полиции Большого Берлине, после так называемой "хрустальной ночи" подробно докладывал гауляйтеру Большого Берлина о происшествиях, я случайно был этому свидетелем, хотя они сами этого не знали.

Он сообщил, что только очень немногие членов партии участвовали в грабежах еврейских магазинов и в избиении евреев. Но даже эти поступали так в значительной степени только потому, что их подстрекали к этому, а именно — переодетые штурмовиками коммунисты. Ответ Геббельса был таким:

"Хельдорф, я скажу вам так, это безумие будет стоить нам еще одного миллиона мертвых солдат!"

То, что Гитлер якобы хотел "хрустальной ночи", было неправдой. Наоборот, именно потому он и Геббельс так часто созванивались по телефону той ночью друг с другом и были очень взволнованны, потому что ради бога хотели предотвратить какие-либо акты насилия, истязания или грабежи. Я знаю это от одного господина из отдела прессы Имперского министерства пропаганды, который дежурил на телефонной станции министерства той ночью и из понятного любопытства подслушивал. Он сделал для себя соответствующие заметки.

Несмотря на все эти доказательства, является установленным, конечно, что Гитлер, Геббельс, Геринг и другие были достаточно умны, по меньшей мере, чтобы знать, что было бы просто самоубийством превратить мировое еврейство в своего врага номер 1, кроме того, в тот момент, когда они ни в чем не нуждались так сильно, как в длительном, как можно более надежном мире. Как известно, революцию ни в коем случае нельзя проводить во время войны. И революция была для Гитлера

всем — ведь именно она должна была спасти как немецкий народ, так и империю! Все же она была порождением страшных последствий — вышедшей из протеста против последствий Первой мировой войны. Это было бы все равно, что "пустить козла в огород", если бы он рисковал теперь новой войной как раз во время проведения революции. Ведь его главным принципом было достигать всего, чего можно было достичь без опасности войны! Такой человек, как Юлиус Штрайхер, наверняка думал иначе по этому вопросу, но из-за этого нельзя возлагать ответственность ни на партию, ни прежде всего на народ — и уж тем более на Адольфа Гитлера.

Учреждения стоят ровно столько, сколько люди, которые их представляют! Тот, кто хочет писать историю, должен судить не людей по поступкам, а поступки по людям. Но чем больше побеждал материализм, тем меньше обращали внимания на людей — и тем больше на их "успехи". Кто хочет, однако, судить о действиях по людям, тот должен хорошо знать этих людей лично и наблюдать за ними как независимый наблюдатель. Он должен оценивать их не из-за намерений или даже не ради какой-то политической тактики, а исключительно для того, чтобы оказать честь правде!

Предвоенное, военное и прежде всего послевоенное очернение немецкого народа и его прошлого имеет с правдой так же мало общего, как и с честью, — оно служило и служит исключительно подготовке третьей мировой войны, на тот случай, если снова не удастся навсегда сломать хребет немецкому народу.

Часть 7. Клевета: психологический геноцид!

Как раз в этой связи проблема "уничтожения евреев в концентрационных лагерях", пожалуй, является самой потрясающей во всех отношениях, причем для всех участников, на какой бы стороне они ни стояли или ни стоят сейчас.

Я сразу после войны был в плену вместе со многими людьми, которые в последние годы войны были заключенными в самых различных больших немецких концентрационных лагерях. Я слушал все их рассказы, насколько это было возможно. На самом деле я не видел ни одного, кто мог бы подтвердить мне, что в одном из тогдашних концлагерей когда-нибудь хоть один человек был отравлен газом. То, что трупы жертв разразившихся в самом конце войны эпидемий были сожжены, так как их больше нельзя было погребать, и что это происходило уже и тогда, когда управление лагерями было в руках оккупационных властей, было сделано только по соображениям гигиены само собой разумеющимся делом и было совершенно необходимо. В конце войны, несмотря на все усилия, больше не было возможности доставать лекарства, продовольствие и т. д. Между тем давно доказано, что, к примеру, в лагере Дахау никогда не было никакого сооружения для убийства людей с помощью газа.

Я уже сообщал ранее, что по официальной статистике во время, о котором идет речь, отсутствовали в целом самое большее 3,7 % евреев — от всех евреев во всех странах. Евреи эмигрировали не только из Германии, но и из балканских стран, из Франции, Греции и Италии.

Когда американцы во время войны высадились в Касабланке, только из города Марракеша 5000 евреев покинули Марокко. Почему же из гораздо больших городов Марокко — Касабланки, Рабата, Танжера и т. д. — не могло убежать намного больше евреев — так же, как и из других арабских стран?

Как много евреев были достаточно хитры, чтобы больше не регистрироваться как евреи в странах, в которых они остановились — например, в Чехословакии, Польше, Венгрии, Румынии и т. д.? И число евреев, которые исчезли или скрылись в СССР, должно составить свыше миллиона.

Но почему же, собственно, так злятся сегодня махинаторы общественного мнения, если выявляется, что в обсуждаемое время пропало вовсе не восемь миллионов, а самое большее до полумиллиона евреев? Ведь следовало бы радоваться тому, что

пропало как можно меньше людей! Только число тех евреев в Германии, которые во время войны и после войны смогли из Германии или из занятых немцами территорий убежать через нейтральные страны в США, должно быть велико, так как после войны в США жило гораздо больше евреев, чем до войны.

Само собой разумеется, это ужасно, когда людей убивают. Но если считать одних, тогда нужно считать также и других. Нельзя, чтобы во всем обвиняли Германию, так как она проиграла войну и едва ли может защищаться, в то время как умалчивают почти все, за что соответствующим способом несет ответственность противоположная сторона.

Почему можно уже десятилетиями безнаказанно говорить по всему миру о шести миллионах отравленных газом евреев — но при этом человечество никогда не узнает, что было сделано с уже беззащитной Германией в последние дни войны и сразу после заключения перемирия? Почему человечество еще и сегодня не знает, сколько десятков тысяч немецких солдат СС были расстреляны только потому, что у них была на руке татуировка с указанием группы крови, чтобы им в случае ранения быстрее всего было сделано правильное переливание крови?

Почему от человечества до сих пор скрывается, какую невообразимо ужасную кровавую бойню учинили англо-американские бомбардировщики в городе Дрездене, где из военных объектов были только госпитали, как раз в тот момент, когда огромные массы убегавших с Востока силезцев с трудом протискивались по переполненному городу? В Дрездене были убиты сотни тысяч бедных и самых бедных гражданские лиц, которые за всю войну не сделали ни одного выстрела. Почему от человечества утаивают правду об адском конце немцев в Праге, где немецкие солдаты, подожженные как факелы, окаймляли дороги, где десятки тысяч немцев, большей частью босиком, оплеванных и избитых, гнали через руины? Почему никогда не сообщают, что сделали в Ашаффенбурге американские солдаты-негры с 300 немецкими девушками, которые были размещены там в казармах как помощницы службы связи армии?

Почему в течение десятилетий молчат о бесчисленных и большей частью очень жестоких пытках, которым подвергались от рук оккупационных властей тысячи немецких солдат, офицеров, а также гражданских лиц — уже после войны? Мне как раз сейчас приходится часто вспоминать об этом, когда я читаю в сегодняшней федеральной прессе, с каким возмущением пишут там о предполагаемых мучениях в Чили, Испании или Греции, — как если бы их никогда не было в так называемых "демократических" странах Запада.

Почему Папа Римский только недавно мог говорить о "преступной Германии прошлого", если он, как видно, бездеятельно взирает на длящуюся теперь уже больше десятилетия преступную гражданскую войну, которую ведет его церковь в Северной Ирландии против протестантов, войну, которая захватывает все более и более широкие круги и давно уже перекинулась из Ольстера на собственно английский остров?

Не были ли войны в Корее и Вьетнаме намного более жестокими, чем борьба немцев во время Второй мировой войны?

Собственно, всегда клевещут только на немцев. И преимущественно снова и снова из все тех же кругов. Так как самым большим бизнесом на этой Земле все еще является война! Не для тех, кто воюет, конечно, а для поставщиков оружия, а самым злым оружием была и остается клевета.

Германская империя не только не хотела войны, но и полностью рассчитывала на длительный мир. Война была ей навязана. И как раз те же самые круги, которым удалось втянуть ее в войну, позаботились и о том, чтобы война стала бесконечной. Эта всемирная клевета — не что иное, как часть все еще продолжающегося военного положения, поэтому немецкое правительство может просто так защищаться от этого. Федеративная Республика Германия находится в зависимости от держав-победительниц благодаря многим очень серьезным договорам, в частности, "Договору о Германии" (Боннскому соглашению 1952 года). Сверх того, она, однако, еще добровольно вступила в международную зависимость, условиям которой она могла бы отвечать в полной мере только как суверенное государство. Однако она может либо находиться в прежней зависимости, либо быть суверенным государством. И то и другое одновременно в любом случае является роковым.

Уверенный в себе, в своих силах немецкий народ дал бы поддержку правительству, чтобы то могло заняться соответствующей необходимой политикой, чтобы больше не быть только получателем приказов из США и добиться, наконец, мирного договора. Но зависимое государство никогда, напротив, не сможет свободно вести переговоры.

Однако предпосылкой для такой необходимой уверенности в себе нашего народа — на Востоке и на Западе — является абсолютная правда о прошлом народа, о его судьбе, о его "Я". И пусть даже эта правда была бы самой плохой, самой горькой, но все же при всех обстоятельствах она невообразимым для нас способом стала бы нашей судьбой, определением, но также и, бесспорно, процессом в ходе отчетливо ощутимого естественного порядка этого мира.

Пока большинство немцев к несчастью занимаются "страусиной политикой", чтобы все более безмятежно посвящать себя своему личному благополучию, — до тех пор наша дорога постоянно ведет вниз, прежде всего в душевном отношении, и, в конце концов, это означает полное разрушение. Этот народ опустился уже до того, что готов отказаться от правды о себе самом и вместо этого без всякой критики выбирать тех, кто распространяет самую приятную ложь и лакировку.

Народ, который позволил воспитать себя так, что интересуется лишь соответствующей программой телевидения, однажды, не раздумывая, вовсе откажется от какой-либо общности, от своего государства, от когда-то такого большого уважения во всем мире и, наконец, от подрастающего поколения. Нам больше не нужны никакие доказательства из политики, у нас есть более чем достаточно доказательств из ежедневной жизни:

a) из известного своей чистоплотностью народа — в частности, тридцатых годов — появилось прямо-таки потрясающе грязное "общество потребителей". Количество молодых людей, которые никогда не чистят зубы и даже тех, которые никогда не моются, составляет уже более 12 %;

b) сифилис, в тридцатые годы почти искорененный, теперь снова распространен так, что грозит существованию народа;

c) число преступлений с применением насилия постоянно возрастает. Сегодня уже предполагаются террористические акты, которые могут — проведенные в рамках программы всемирно организованного террористического заговора — в течение немногих дней вполне успешно шантажировать все народы и их правительства, например, полным отключением воды, электричества или с помощью использования смертоносных микробов.

Полное господство запрограммированной анархии вполне возможно через 2–3 дня одновременно в основных государствах Европы. Только одна широко задуманная попытка этого рода повлекла бы за собой неописуемый хаос. Все политически в некоторой степени сведущие люди Западной Европы, а также США и прежде всего СССР знают это давно и с уверенностью.

Многие иностранцы еще надеются на немецкий народ — но они заблуждаются, так как больше нет народа тридцатых годов и совсем нет его смелой выдержки на войне. Его уверенность в себе ушла, и вместе с ней также его душевная сила. Уверенность в себе, которая могла выдержать мировые войны — и после всего ей еще хватало сил для создания "экономического чуда", — эта уверенность в себе была разрушена и уничтожена подлой, дьявольской клеветнической борьбой его настоящих врагов,

которые никогда не носили честную форму. Вместе с правдой также вымерла честь, а с честью — любовь в этом народе.

Естественно, есть еще несколько миллионов немцев, которые знают, в чем тут дело, но также и у них в значительной степени отсутствует сила для этого. Ложь слишком рафинированна, слишком всеобъемлюща, для немецких людей просто непостижима. Факт, который сам по себе должен был уже исключительно свидетельствовать в пользу нашего народа, о котором, однако — так я думаю — никогда еще, пожалуй, не задумывались.

То, что простые немцы и немецкие политики умудрялись во вред собственному народу и государству тридцать лет подряд позволять шантаж со стороны заграницы, выплачивать миллиарды за миллиардами, раздаривать все части империи, не имея вообще в руках мирного договора, все это стало возможно только потому, что у этого народа из-за продолжающейся и все возрастающей клеветы настолько нечистая совесть, что он делает как раз все, чтобы "исправить", даже приблизительно не зная правды о том, что происходило на самом деле.

Несколько сотен немцев — "фанатики справедливости" и настоящие социалисты, — для которых собственный народ всегда был самым важным делом, не успокоились, а вопреки всем трудностям, которые только можно представить, пытаются установить абсолютную правду. Они выяснили бесспорные факты, которых одних уже было бы достаточно, чтобы встречать массу лжи с самым большим недоверием. Они знают о бесчисленных лжесвидетелях, о бесчисленных мошеннических показаниях, об огромном количестве вымогательств, о большом числе самоубийств, об очень значительных подкупах, фальшивках, лжесвидетельствах и т. д.

Сегодня мы знаем, во всяком случае, что подавляющее большинство всей использованной против нашего народа клеветы — в связи с двумя мировыми войнами, императорским, веймарским и гитлеровским временем — было выдумано или, по меньшей мере, чрезмерно преувеличено.

Часть 8. Искусство, культура и социальные нововведения

Клеветники очень хорошо умеют с помощью тонких маленьких трюков достигать большого эффекта. Сотни миллионов по всему миру знают Адольфа Гитлера только с плеткой в руке, с очень яростным лицом и с большой, свисающей на лоб темной челкой. Тот, кто знаком только с этой картиной, должен предполагать, что он имеет дело с кровожадным, воинственным и в высшей степени несимпатичным человеком, который вполне мог бы быть инициатором самых больших преступлений.

Я уже говорил, что я знал Адольфа Гитлера лично с 1928 года, в 1933–1935 годах время от времени ежедневно встречался с ним, в большинстве случаев в частном порядке, очень часто с 21 часа до примерно 2 часов. Это было спокойным временем его дня, которое он охотно проводил вместе только со своими хорошими друзьями. В 1936–1937 годах я встречался с ним лишь изредка, перед началом войны практически вообще не встречался, а во время войны не видел его ни разу.

Я могу сказать только одно, что я никогда не видел Гитлера с плеткой в руке. Также я ни разу не видел его с челкой на лбу, разве только, небольшое количество волос во время разговора случайно соскользнули ему однажды на лоб. У него всегда были очень хорошо лежащие, безупречно подстриженные и причесанные волосы. Я видел, пожалуй, его с яростным лицом, но в высшей степени редко, само собой разумеется, тогда, когда он был очень рассержен. Если такое случалось в присутствии дам, то он сразу просил у дам прощения.

Но сегодня одно его очень яркое качество, которое, как ни странно, и тогда тоже не было слишком известно, не упоминается почти никем: его очень сильно выраженное чувство юмора.

Никто не знал Гитлера так же, как доктор Геббельс. Если он должен был идти к Гитлеру с неприятными новостями, он всегда брал с собой несколько действительно хороших шуток, которые действовали на Гитлера как безвредное, но отличное лекарство. Разумеется, доктор Геббельс тоже очень хорошо умел рассказывать разные анекдоты.

Два года назад я к моему очень большому удивлению прочел, что в Мюнхене отмечали юбилей знаменитого актера-комика Карла Валентина как "преследуемого нацистским режимом". После этого я написал Обществу Валентина, что Гитлер был

особенно восторженным поклонником Валентина и даже пересказывал нам часто в маленьком кругу друзей самые известные истории Валентина наизусть — и делал это прекрасно. Этому Валентину Гитлер — я уверен — простил бы все. То, что он приказывал преследовать актера по политическим мотивам, я считаю пошлой ложью.

Кто-то из потомков знаменитого певца Лео Слезака — я думаю, это был его сын — утверждал после войны, что Слезак якобы очень страдал во времена Гитлера. Да, даже Маргарета Слезак — без сомнения, выдающаяся певица — тоже мучилась во времена Гитлера. Но факт состоит в том, что Гитлер считал супругов Слезак своими личными друзьями. Я лично десятки раз видел Маргарету Слезак у Гитлера, они всегда были очень довольны и веселы друг с другом и о старом Слезаке говорили всегда, восхищаясь его великолепным голосом, актерским мастерством и человечностью.

Гитлер знал, что мать Слезака был дочерью банкира Вертхайма, т. е. еврейкой. Когда Слезаку было 59 лет, он завершил карьеру певца в государственной опере — определенно "по собственному желанию", как сам написал об этом для энциклопедического словаря "Кто это". У него до самого конца был большой успех в Америке, но прежде всего на фестивалях Вагнера и Моцарта в Байройте и Зальцбурге. Я после войны часто посещал его дочь Маргарету Слезак в ее прекрасном доме в Эгерне на озере Тегернзее, она все еще была большой приверженкой Гитлера и тоже не делала из этого тайны.

За последние двадцать лет много известных актеров и актрис, прежде всего из мира кино, написали более или менее политические мемуары. С большинством из них я был знаком лично, и поэтому знаю довольно точно, что они думали "тогда" о Гитлере и Геббельсе, и что они выдумали "после этого", чтобы стать любимым ребенком сегодняшнего режима, так же, как они это делали в свое время с самым большим успехом у Гитлера и у отвечавшего за театр и кино имперского министра.

Мне этот метод таких людей был известен уже с двадцатых годов и с 1930 по 1932 годы. В мемуарах некоторые из них, кажется, перепутали свои переживания из двадцатых годов с воспоминаниями из тридцатых годов, так как в тридцатые годы с ними, по моему мнению, слишком хорошо обращались. О нескольких "дамах" из этой отрасли я могу только сказать, что их прилипчивость была прямо-таки бесстыдной. Часто мы буквально убегали, когда они входили в министерство, чтобы вновь и вновь в самой преувеличенной манере заявлять, как исключительно сильно они восторгаются Гитлером и Геббельсом и каким благом

является национал-социализм для всего народа.

Но если Гитлер хотел, чтобы немецкое кино в мире знали и любили — до тех пор оно было почти неизвестным, — тогда он должен был договариваться с этими людьми. Их назойливость не была достаточной причиной, чтобы отказываться из-за этого от хороших актрис.

Имелись также скромные и приличные люди искусства, которые даже тогда делали большую карьеру, когда они политически, скажем так, были неудобны. Я знаю о гениальных актерах, которые не скрывали, что были коммунистами. И они все же до самого конца принадлежали к самым признанным. Генрих Георге, Ойген Клепфер, Эмиль Яннингс, Вернер Краус, Матиас Виманн, Густав Грюндгенс, Александр Голлинг, почти все они — за исключением певцов — не были национал-социалистами, многие даже были открытыми противниками национал-социализма.

Гитлер и Геббельс полностью были согласны с тем, что актера не нужно мерить по политическим критериям, иначе настоящий, хороший театр прекратит свое существование как таковой, а это в свою очередь принесет вред народу, потому такого делать нельзя. Народ был на первом месте! Я и сегодня думаю: это было правильно.

В одном можно быть уверенным: политики понимают "в театре" больше, чем актеры в политике. И это было так, пожалуй, во все времена и у всех народов.

Гитлер с кинорежиссером Лени Рифеншталь

У актеров — как таковых — не было, во всяком случае, ни малейших причин, чтобы быть недовольными. У них были самые большие успехи, они были очень популярны не только внутри страны, а частично даже за границей, и театр определенно, так же, как и немецкое кино, достиг тогда успехов, которые потом так никогда не удалось повторить, и пользовался большим уважением. Немецкое кино только при Гитлере получило мировое

значение. Еще долго после войны один из последних фильмов Третьего рейха, "Кольберг", пользовался большим успехом за границей. Но в самой Германии его почти не показывали во время войны, а после войны не показывали вообще!

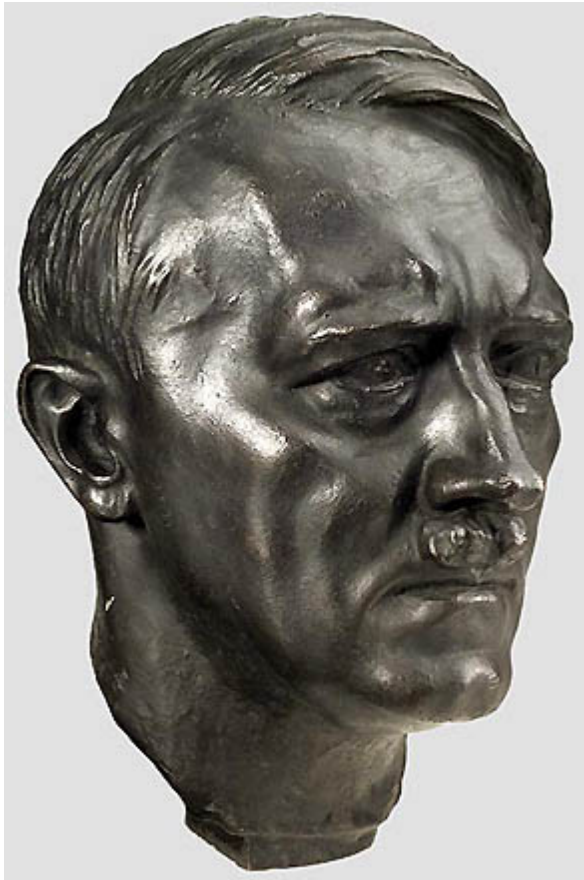
Немецкое радио получило такое высокое положение в мире, что Германия стала председательствовать во Всемирном союзе радио. У музыкантов немецких симфонических оркестров никогда и близко не было так много друзей за рубежом, как во времена Гитлера.

Немецкий спорт только при Гитлере действительно пришел к своему большому мировому значению, что наиболее отчетливо было продемонстрировано на Берлинской Олимпиаде. Немецкая юриспруденция (правосудие) добилась как раз при Гитлере такого уважения в мире, что Всемирный совет судей переместился в Германию. Руководителем этого совета и, так сказать, его хозяином был подвергнувшийся впоследствии самым сильным атакам клеветников доктор Роланд Фрайслер.

Впервые немецкими локомотивами, немецкими автомобилями, немецкими кораблями в мире исключительно восхищались, их покупали или заказывали. Немецкие врачи начали играть всемирно значимую роль. Из всех частей мира прибывали иностранные эксперты, чтобы увидеть автобаны Гитлера и попытаться сделать такие же у себя.

Образцовыми вскоре стали считаться как организация немецкого сельского хозяйства, так и немецкое решение профсоюзных вопросов в форме "Германского трудового фронта" (DAF). Сам Гитлер не хотел называть его "Национал-социалистическим трудовым фронтом"!

Когда американцы после войны смогли понять организацию, структуру и дееспособность "Национал-социалистической народной благотворительности" (NSV) и "Организации зимней помощи" (WHV), они высказали мнение — я знаю это от свидетелей, — что нигде в мире не было даже отдаленно похожей другой столь исправно функционирующей и замечательной организации.



"Гитлер" Скульптор Арно Брекер

Я не могу завершить этот список, не упомянув Арно Брекера, одного из самых больших художников той эпохи. За рубежом его буквально боготворили в самых широких кругах, хотя его пригласил — как всем известно — так же, как и графа Плеттенберга и Йозефа Торака, лично Гитлер. Великие художники почти всех стран с большим удовольствием приезжали в Германию.

И когда потом Гитлер начал строить флот, чтобы его рабочие смогли увидеть мир и оценить другие народы, и вследствие этого навели бы мосты от человека к человеку, — тут он неосознанно задел нерв врагов и клеветников, ибо как раз этого-то и не должно было и не могло быть. Организация "Сила через радость" (KdF) была самым большим из всех социальных начинаний Третьего рейха. Она уже сама была революцией настоящего — а именно, независимого от капитала — социализма. Снова и снова можно было видеть тысячи мужчин и женщин из всех слоев немецкого народа на Мадейре и в других "местах мечты" этой Земли — для того времени это было большим событием для всего

человечества!

Единственным, чем эта Германская империя не могла вызвать восхищения, был ее вермахт, потому что он тогда был еще — повинуясь необходимости — слишком мал для такого большого и такого значительного государства. Военно-морской флот срочно нуждался, по меньшей мере, в пятикратном увеличении подводных лодок, минимум десятикратном увеличении транспортных кораблей всех типов, а также минимум в удвоении количества больших военных кораблей различных типов, и к этому еще несколько неожиданных для будущих противников сюрпризов.

Гораздо хуже, чем с военно-морским флотом, обстояло дело с военной авиацией, которая, собственно, едва ли вообще существовала. Ей в то время не хватало как минимум 3000 боевых самолетов самых разных видов.

Чтобы развить и обучить армию, военно-морской флот и военно-воздушные силы в таком масштабе, требовалось очень много денег и, по данным специалистов, от 5 до 8 лет времени! Это знали все, и Гитлер, несомненно, тоже, поэтому уже исходя из этой ситуации можно полностью исключить, что он хотел войны. Так как предатели тоже знали это, абсолютно ясно, кто начал войну и что весь поход клеветы был направлен исключительно теми, кто хотел основательно уничтожить "Made in Germany" раз и навсегда. Еще от 5 до 8 лет — это значит: максимальное состояние вооружения Германской империи ни в коем случае не могло быть достигнуто раньше 1946 года!

Гитлер нуждался, однако, во времени не только для вермахта, а еще гораздо больше для укрепления империи внутри. В этой связи он хотел, как минимум, еще больше — от 10 до 12 лет больше, т. е. необходимое состояние вооружения германского вермахта ни в коем случае невозможно было достичь до 1950 года! Гитлер считал, что к тому времени никакой опасности войны уже больше не существовало бы. До тех пор у него определенно давно был бы союз с Англией, тем более что он отказался для Германской империи от каких-либо колоний. Кто кроме него делал тогда уже что-то в этом роде?

Неужели можно на самом деле поверить, что Германская империя смогла бы заключить договор по флоту с Англией, договоры с Италией, Румынией и Японией и даже с Советской Россией, если бы хотя бы некоторые из распространенных вымыслов соответствовали бы действительности? Никогда!

Транспарант на церкви в Судетах в 1938 году: "Боже, храни Адольфа Гитлера!"

Фотография из Федерального архива в Кобленце

Можно ли поверить, например, что обе большие церкви двенадцать лет — и не только в Германии! — молились за Гитлера и его правительство, потому что в действительности они считали его и его правительство дьявольским? Я считаю, что это исключено.

Я лично хорошо знал Папского нунция Орсениго, который много лет был очень уважаемым всеми послом Святого Престола в Берлине, с 1932 года. Он говорил о Гитлере всегда с признательностью, иногда даже с восхищением. Он никогда не вел себя недоброжелательно в моем присутствии. Я также очень хорошо знал послов Альфири (Италия), Фрёлихера (Швейцария), посланника Ирландии, который продержался до самого конца, послов Японии (Ошима), Испании и посланников Венгрии, Румынии и Болгарии.

Все эти господа, разумеется, слушали иностранные радиостанции так же, как и немецкие, чтобы сравнивать их друг с другом. Это было им позволено. Они постоянно узнавали, в чем клеветники упрекали нас, немцев. Они были вправе требовать пояснений от правительства, при котором были аккредитованы. Итак, они хорошо все знали. Им также разрешалось отправлять проинформированных сотрудников для доклада в свои страны.

Никто из всех этих многочисленных дипломатов иностранных держав, с которыми я был знаком в Берлине в течение более десяти лет, не считал гитлеровский режим "преступным". Они критиковали то, что они считали недостатками, это было одновременно их полным правом и их долгом. Но они все, без исключения, восхищались народной общностью немцев как самым большим успехом Гитлера. Они все соглашались, что Гитлер спас не только Германию, но и, сверх того, всю Европу от коммунизма. И многие из них восхищались Гитлером как в высшей степени гениальным человеком, существование которого

было большим счастьем — и не только для Германии.

В особенности я вспоминаю английского дипломата сэра Айвона Киркпатрика. С ним и его семьей мы дружили. Он даже однажды пришел на собрание НСДАП, которое происходило в самой "красной" части Берлина и на котором я был единственным оратором. Когда он поздравлял меня после этого, он заметил, что очень жаль, что так мало иностранцев, которые с любопытством приезжают в Германию, видят своими глазами такое собрание. Собственно, только на этом собрании он действительно узнал, что в Германии совершается прежде всего социалистическая революция, которая для всех народов — естественно, в соответствии с их особенным качествами — могла бы представлять огромную ценность.

По случаю танцевального праздника, который он давал в своей квартире для друзей, он отвел меня в сторону, чтобы сказать мне, чтобы я на следующий день — за один день до отъезда доктора Геббельса в Египет — передал моему министру от имени Киркпатрика, что тот в Египте должен подумать о том, что один из самых гениальных политиков уже потерпел страшную неудачу, когда он после войны в Египте вступил в Россию! Я передал эти слова доктору Геббельсу — он не ответил, но тот очень необычный взгляд, с которым он рассматривал меня, я не забуду никогда.

Киркпатрик тогда наверняка желал нам добра. После войны он стал Верховным комиссаром королевы Англии в оккупированной британцами части рейха. Когда Киркпатрик служил в Берлине, английским послом был Невил Хендерсон. В отличие от меня Гитлер считал его другом.

Невил Хендерсон

Однажды на званом вечере в доме начальника штаба СА Лутце мимо нас пробежала такса хозяина, и Хендерсон сказал: "Смотрите, дорогой принц, у этого животного типично немецкие качества — большая пасть и длинный хвост". Я ответил: "Бульдог, насколько я знаю, типичная для Англии собака — она кусает

снизу, ваше превосходительство".

Я упоминаю эти оба коротких эпизода только потому, что я пережил их сам и потому что они показали мне, насколько по-разному, по сути, думали те англичане, которые оба принадлежали в те времена к штату английского посольства и оба играли после этого большую роль.

Я особенно охотно общался во Французском посольстве с послом Франсуа Понсе. Гитлер очень ценил его как "совершенно особенно умного и тактичного человека". На основании многих частных отзывов у меня сложилось впечатление, что Франсуа Понсе был большим германофилом, чем это устраивало господина фон Риббентропа. Риббентроп ставил на Хендерсона. Как доказала история, нужно было делать как раз наоборот. Но я едва ли мог вмешаться, тем более что Альфред Розенберг в 1929/30 годах добился моего исключения из партии — причем подпись Гитлера была подделана, — так как я вместе с бароном Лерснером предложил Гитлеру проверить его позицию по отношению к Франции и стремиться к союзу с французами. Гитлер согласился с этим, и Розенберг сообщил Гитлеру, что барон Лерснер не вполне ариец. Неслыханный поступок Розенберга был раскрыт лишь в 1936 году, когда Гитлер заявил, что никогда не знал ничего о моем исключении, иначе он, конечно, не приглашал бы меня все эти годы снова и снова к себе.

Я упоминаю об этом только между прочим, ибо этот факт демонстрирует, насколько велики были опасности для Гитлера и его борьбы внутри партийного руководства и что называть его диктатором — это безумие. Если бы он был диктатором, то у него, вероятно, все удалось, тем более что у него никогда не было намерения оставаться до смерти во главе государства. Я слышал, как он часто говорил: "Как только я закончу строительство фундамента империи, я удалюсь от дел и посвящу себя только развитию нашей идеологии". И это тоже свидетельствует о том, что он никогда не хотел войны.

Часть 9. Вечная этическая закономерность природы

"Почему вы говорите обо всем этом только сегодня?" — спросит, вероятно, кто-то. Во-первых, потому что было много людей, обладавших и обладающих куда большим объемом материала для доказательства, кроме того, занимавших намного более важные посты, чем я, у которых, правда, не было этой моей неповторимой личной связи с Гитлером. Единственный, кто лично превосходно изобразил Гитлера, к сожалению, не жил в Берлине. Он — большой художник, который, однако, никогда не действовал в сфере политики. Это доктор Ганс Северус Циглер, главный интендант Тюрингских театров. Его книга правдива — это наивысшая похвала, которую сегодня можно сделать книге.

Некоторые из когда-то высоких функционеров партии или государства старались провозгласить правду. Было несколько хороших книг. Но тот факт, что кто-то должен был иметь дело с Гитлером только по служебным делам, мешает. Национал-социализм никогда не существовал бы без Гитлера. Так как существовал Гитлер, должен был быть и национал-социализм, и потом, когда они существовали оба, после долгой, жесткой борьбы возникла, наконец, общность немецкого народа. Собственно, об этом времени может написать только тот, кто может написать о Гитлере — а именно, о Гитлере как человеке. У меня было большое счастье видеть его только в те времена, когда он еще был совсем настоящим, свободным от всех принуждений, которые приходили снаружи, когда стало выгодно ссылаться на революцию.

Я знал революционного политика Гитлера, который был еще очень во многом идентичен с человеком Гитлером. И моим вторым счастьем было то, что я мог чувствовать себя независимым по отношению к нему — я не зависел ни от жалования, ни от чина, ни тем более от какого-то общества. Он знал это, даже говорил со мной об этом. Поэтому я решаюсь сказать: я знал Гитлера. И поэтому я чувствовал себя обязанным написать эту книгу. Так как такое знание, на мой взгляд, является также обязанностью передать его народу и прежде всего будущему поколению. У нашего народа есть право на каждое слово правды, которое, наконец, поможет ему снова вернуть здоровую уверенность в себе. И я думаю, каждое немецкое правительство должно согласиться со мной, если я скажу: только правда может помочь нам, внутри нас — и снаружи!

"Вера в первородный грех создала настоящий первородный грех. Христианство так долго проповедовало злобность человеческой природы, до тех пор, пока та действительно не разозлилась".

Рихард Куденхове-Каллерги, "Герой и святой"

Германская империя еще существует — но она сможет снова жить только с правдой, потому что правда как раз в момент самой большой беды показывает всю свою настоящую силу.

Очень многое вызывает тревогу о будущем нашей Германии. Но самая большая тревога — это упадок нашего народа, ибо он, к сожалению, принимает страшные формы с самых разных точек зрения. Настоящей причиной этого является тот факт, что гордый народ лишили уверенности в себе. Этот народ еще может жить, но не может бороться. То, что этим фактом пользуются противники этого, следует автоматически.

Где честь больше ничего не стоит, там больше не может быть и доверия. Где больше нет доверия, там больше нельзя найти также никаких друзей и товарищей. Там человек медленно, но верно превращается в хищника. Государство может "обращаться" с преступниками или наказывать их, результат все равно будет одним: число преступников страшно возрастает, даже если они становятся менее заметными. Так было во все времена — у нескольких великих народов в мировой истории — всегда один и тот же процесс развития, который после жизни в наслаждении и расточительстве оканчивался в ужасном самоуничтожении. В начале этого развития во всех случаях стояло уничтожение уверенности в себе. Ведь тот, кто больше не может доверять себе сам, тот больше не доверяет также никому другому, а тот, кто никому больше не доверяет, вместе с тем уже и сам потерян.

Мы еще могли бы спасти наш народ, если мы все, без оглядки на партии, вероисповедания, классы и сословия, увидели в себе лишь немцев, которые все вместе начинают новую жизнь, возвратившись сначала к абсолютной правде перед самими собой, а потом и перед другими. Мы просим наши правительства помочь нам в этом. Прошлое должно оставаться прошлым — но на самом деле! В безусловной, неограниченной правде. Правда — это предпосылка для чести. Правда плюс честь дают в итоге верность — и они три вместе дают в итоге самый важный из всех идеалов: верную любовь. Так этого хочет вечная этическая закономерность природы — и она не требует нашего согласия.

Правда — это один из самых больших идеалов человечества. Она зависит и от других великих идеалов: верности, любви и праву. Все они принадлежат к вечным этическим законам природы. Поэтому они обязательны и никогда не разделимы.

Нельзя и непозволительно говорить: правда, право — да! Но не для Гитлера, так как он был страшным преступником, он был виноват во всем.

Сегодня юриспруденция в особенной степени уделяет внимание тому, чтобы видеть преступника как человека, обращаться с ним и осуждать его как человека. Это великолепная точка зрения! Ее содержанием является полное признание вечных этических законов природы! Очень переменчивые "добро" и "зло", "ангел" и "черт", "идол" и "сатана" основываются все же больше на церковных, чем на религиозных — и уж действительно не на естественных основаниях миропорядка.

Почти две тысячи лет должны были пройти, пока люди не начали медленно рассматривать Христа как неповторимого человека — не больше и не меньше. Тот, кто хочет упразднить "чертей", должен забыть также и "ангелов", а именно по единственной причине: из-за истинного человека, того человека, у которого есть — прежде всего что касается его души как частицы вечного порядка этого мира — большая, таинственная, существенная роль и вместе с тем его миссия и ответственность.

Времен, когда в Германии немцев называли "преступниками", когда французов во Франции и англичан в Англии по тем же причинам чествовали как "героев" — таких времен больше не должно быть. На месте очень различных "хорошего" и "плохого" нужно видеть "правильно" или "ошибочно", "ответственно" или "безответственно" человеческого поведения — в рамках вечного порядка природы, чтобы человечество, наконец, освободилось от того ужасного круговорота, который Дидро изобразил такими словами:

"Зло — это то, что создает больше неудобств, чем дает пользы, а добро, наоборот, создает больше выгод, чем неудобств".

"В природе нет ни добра, ни зла, а только человеческое мнение сделало различие".

Секст Эмпирик

К самым большим опасностям для человечества относится, несомненно, та мания величия захвата власти во всем мире, потому что она — самый опустошительный удар по закону разнообразия природы. Весь интернационализм, в конце концов, воздействует против свободы естественной целостности. И не только это: кроме того, этот интернационализм — самая надежная предпосылка для анонимности в политике. И это основа для самых больших преступлений, тем более что так называемый прогресс техники такого развития все больше и больше предлагает все предпосылки для его распространения.

Это прямо-таки гротескно, если сегодня международная сила, которая действует по всему миру с грандиозной сетью из компьютерных систем, осмеливается назвать какого-то не связанного с интернациональной системой государственного деятеля "диктатором" за то, что он как честный человек пытается действовать в непосредственном отношении со своим доверенным ему народом, без посредства бессовестных машин!

Однако как раз эти международные силы — это те, кто с растущей интенсивностью ведет сконцентрированную клеветническую кампанию против потерпевшей поражение Германии. Такое широко спланированное и проводимое только из тьмы анонимности наступление лжи и обмана возможно лишь с тех пор, как человечеством правят сравнительно немногие властители, находящиеся под влиянием международных сил.

На Международном военном трибунале (МВТ) в Нюрнберге между 1945 и 1949 годами осудили людей, которые хотели — неважно как, — наверняка, наилучшего для своего народа и все делали только ради этого. Так как они все чувствовали себя атакованными, ведь они все находились в самом центре самого большого созидательного процесса своего народа и не могли употребить ничего меньшего, чем войну, то они решились — разумеется, только слишком поздно — на тотальную войну, после того как их противники вели ее уже давно.

Весь Нюрнбергский процесс был бедой для обеих сторон, так как наш противник назывался не Францией, Англией, Россией, Америкой и т. д., а был суммой владеющей этими странами международной силы. Бесчисленные — очень откровенные — беседы со старшими офицерами-фронтовиками этих держав в их странах снова и снова доказывали мне, что это было именно так и не иначе. Ни один из этих народов не хотел войны с Германией — и тем более сам рейх хотел как можно дольше жить с ними всеми в мире. Гитлером и его трудами восхищались не в последнюю очередь многие народы и даже самые выдающиеся из их политиков — как, например, Уинстон Черчилль, Пьер Лаваль и другие.

Но кто же создал первый и до сегодняшнего дня самый значительный из всех интернационалов? Интернационал пролетариата? Карл Маркс! Он был человеком, который хотел захватить мир. Причем вовсе не для одного народа или для всех народов — а лишь и подчеркнуто только для пролетариата, за счет всех других. Он сам писал, что он, если необходимо, готов уничтожить всю буржуазию! И в великой русской революции его последователи именно так и действовали — они убили миллионы! Почему тогда историки и политики почти всех стран

отказались публично назвать Карла Маркса диктатором? Не является ли интернационал пролетариата до сих пор самым сильным продвижением к всемирной диктатуре?

Великая революция во время Первой мировой войны в России исходила в первую очередь не от русских, так же как восстания марксистов в Германии в двадцатых годах в первую очередь исходили не от немцев, восстания в Австрии — не от австрийцев, революция в Венгрии — не от венгров, революция в Испании — не от испанцев и в Италии — не от итальянцев: они все вместе стоили Европе несколько миллионов погибших. Целью всюду было одно и то же: диктатура пролетариата! Где им только было возможно применить самое жестокое насилие — неважно, в каких странах, — там они действовали как диктаторы: Троцкий, Адлер, Люксембург, Либкнехт, Радек и т. д., но раньше их всех — Карл Маркс!

Не будем забывать, что во дворе дворца Резиденцшлосс в Мюнхене в 1919 году по распоряжению еврея Эйснера были без всякого судебного приговора расстреляны примерно 300 заложников — в значительной степени заслуженных фронтовиков. Не забудем, что восстания Розы Люксембург и Карла Либкнехта в Берлине, Ганновере и Гамбурге, в Саксонии, Гессене и в Рурской области вместе стоили гораздо больше, чем 50 000 жизней, что затеянное ради диктатуры пролетариата и вначале в наивысшей степени угрожающее самому существованию Испании восстание в 1936 году стоило испанскому народу более миллиона жизней.

Тогда на стороне Красного интернационала принимали участие среди прочих также Тольятти, Хемингуэй, Вилли Брандт и многие другие ключевые марксисты из самых различных стран, из которых некоторые даже сегодня политически очень активны в Германии. Кровавую резню почти никогда не устраивали люди из самой данной страны ради диктаторского правления, но вместо них это делали иностранцы, так сказать, узаконенные "интернационалом пролетариата", который в крайнем случае, согласно учению Карла Маркса, планировал уничтожение буржуазии.

Кто решится оспаривать, что идея диктатуры пролетариата вызвала во всем мире бесчисленные, порой очень кровавые революции и создала многочисленные диктатуры. К ним нужно причислить и те революции, которые вызвали естественное противодействие и соответствующие контрреволюции.

В этой связи нужно понимать и обе мировые войны. В обоих случаях речь шла о провоцировании марксистской мировой революции и о соответствующих реакциях. Неудивительно, что

враждебная пропаганда и клевета начались не во времена Гитлера и его подъема, а уже времена императора Вильгельма II. Из этого мы можем сделать вывод, что ложь направлялась в первую очередь не лично против императора или Гитлера, а против Германской империи и немецкого народа. Если бы это было не так, то огромные издержки антинемецкой клеветы были бы с точки зрения противников абсолютно бессмысленны и непонятны сегодня, через 32 года после конца Гитлера.

У диктатуры пролетариата по природе вещей и виду людей — за и против — не было, по мнению ведущих марксистов, большего врага, чем империя немцев. Поэтому диктатуре пролетариата не оставалось ничего другого, кроме как разрушить эту империю, убрать ее навсегда, по меньшей мере, понизив ее статус до третьесортного бессильного государства.

Марксизм не может считаться ни демократическим, ни даже социалистическим движением — он провозглашается Марксом и всеми его самыми верными сторонниками в очень характерной манере как диктатура пролетариата, и снова и снова прославляется именно в соответствии с этим. Но революция, которая борется исключительно только за определенную часть народа и стремится при этом искоренить, насколько это возможно, другие части этого народа, такая революция — это наихудший враг народной общности, т. е. поистине социалистической общности. Кто называет такую революцию "социалистической" или "демократической", тот обманывает собственный народ!

Констатировать это очень важно, так как марксисты как раз вследствие этого завоевали свои ведущие позиции. Со своей Годесбергской программой они, сверх того, еще получили и голоса из "буржуазного" лагеря, а именно от тех, кто все еще инстинктивно помнил о настоящем социализме, кто относится к естественной целостности народа.

Если Гитлер хотел спасти немецкий народ и империю от отчаянного положения двадцатых годов, он должен был найти путь, по которому мог идти каждый немец. Он должен был создать партию, в которой все немцы без различия могли бы чувствовать себя хорошо, именно только как немцы. Такая партия не могла прийти к власти с помощью кровавых конфликтов. С кровавыми жертвами можно добиться победы, но не сотворить общность. С кровавыми жертвами можно нагонять ужас, но нельзя добиться настоящего товарищества: союз — еще возможно, но общность, целостность — никогда. Это Гитлер ясно видел с самого начала, а также всегда заявлял об этом снова и снова.

Из этого очень логично получался жертвенный ход у

мюнхенского "Фельдхеррнхалле", когда его партия не отвечала на огонь полиции. Гитлер, Гесс, Геринг и генерал Людендорф маршировали прямо и без остановок навстречу залпам. Четырнадцать человек погибли, и было много раненых — среди них также и Геринг. Этот марш тогда — при символическом рассмотрении — имел очень большое значение для революции. Позиция Гитлера и его людей в те минуты оставалась примером для более поздних миллионов, которые не могли позволить спровоцировать себя. Способность не дать себя спровоцировать укрепляет дисциплину и веру. Одно обуславливает другое. Ничто другое не может создать такого хорошего товарищества. Ничто другое не производит такого сильного впечатления на противника. Многие из бывших противников подтвердили мне это после войны в лагере.

В 1932 году я был только простым штурмовиком. Я со своей женой проезжал через Хангелар под Бонном, когда тогдашний районный руководитель КПГ из своего дома выстрелил в меня. Пуля попала в дверь рядом со мной, точно на две ширины ладони под моей головой. Я отказался от уголовного преследования, и Гитлер поблагодарил меня за это.

К Рождеству 1933 года доктор Геббельс в самом красном районе Большого Берлина вдоль одной из главных улиц в коммунистическом квартале распорядился установить огромный стол с подарками. Национал-социалистические и коммунистические семьи одаривались вместе. Во время этого очень трогательного часа появился один из ведущих коммунистов. Его только что выпустили из тюрьмы, хотя у него на совести было немало злых актов насилия. Я видел, как он пришел, потому что его прямо из тюрьмы привезли к столу с подарками. Там он увидел свою семью в кругу его старых приятелей — в то же время, однако, и его самого большого противника, доктора Геббельса, и его людей. Эти минуты еще сегодня принадлежат к самым прекрасным моментам моей жизни.

"Не могло быть прекраснее этого Рождества", — говорил Геббельс, и он был прав. Впрочем, как раз русские в 1946 году на Нюрнбергском трибунале позаботились о том, чтобы СА в целом были оправданы, т. е. не причислялись к так называемым "преступным организациям".

Где был еще когда-нибудь 70-миллионный народ с высокоразвитой цивилизацией и великой культурой, который при выборах отдал бы 98 % своих голосов одному человеку? Нигде! "Для меня больше нет противников в этом народе", — говорил Адольф Гитлер в моем присутствии, когда его спросили, знает ли

он те 2 %.

Во время Берлинской Олимпиады 1936 года я был свидетелем того, как Гитлер сказал, что нужно попытаться, как бы печально это ни было, немного притормозить вручение медалей немецким спортсменам — иначе это постепенно стало бы неудобным по отношению к иностранным гостям.

Это человек действительно не был диктатором, но клеветники всегда пытались представить его таким. А люди таковы, что они скорее поверят во зло, чем в добро, в лживое, чем в правдивое, — прежде всего тогда, когда они предполагают извлечь этим путем как можно больше пользы для себя, что в длительной перспективе тем не менее всегда оказывается заблуждением.

Адольф Гитлер, несомненно, никогда не хотел войны, совсем наоборот: он надеялся, что его ждет очень длительный мир. Все его настоящие интересы можно было осуществить исключительно в мирных условиях. Среди тех, кто клевещет на него и на весь немецкий народ до сегодняшнего дня, нет и не было никого, кто действительно знал его лично, кто узнал его по своему собственному опыту как независимого человека, причем достаточно долго, чтобы смочь судить его справедливо.

Его планы на послевоенное время были громадны — от борьбы с раком до огромных заводов, которые он хотел строить вместе с государствами Африки в Сахаре, чтобы использовать солнечную энергию. "Не нужно быть союзным со всеми или тем более клясться на верность — без международных обязательств можно гораздо лучше помогать всем" — таким было его мнение. Уже существовали очень интересные планы — мы все хотели как можно скорее мира. Гитлер предлагал его четыре или пять раз и не получил никакого ответа! Можно ли тем не менее назвать его виновным, преступником, назвать его диктатором? Пусть читатель решает сам, но он должен понимать, что неправда всегда приносит вред всем. Именно прошлое должно для смотрящего на него быть прозрачным до самой глубины, как драгоценный алмаз — таким же естественным и таким же твердым.

Часть 10. Слово к клеветникам

И еще одно слово к самим клеветникам. Слово из-под пера Фридриха Ницше, который был, пожалуй, одним из самых значительных мыслителей, самых мужественных и самых серьезных:

"И вот рассказ о беседе Заратустры с огненным псом. Земля, сказал он, имеет оболочку; и эта оболочка поражена болезнями. Одна из этих болезней называется, например: "человек".

А другая из этих болезней называется "огненный пес": о нем люди много лгали и позволяли лгать. Чтобы изведать эту тайну, перешел я море — и я увидел истину нагою — поистине нагою — необутою до самого горла. Теперь я знаю, что это за огненный пес; а также все бесы извержения и возмущения, которых боятся не одни только старые бабы.

"Выходи, огненный пес, из своей бездны! — кричал я. — И сознайся, как глубока эта глубина! Откуда это ты фыркаешь кверху? Ты пьешь обильно у моря: это видно по соли твоего красноречия! Поистине, для пса из бездны берешь ты слишком много пищи с поверхности!

Самое большее, я считаю тебя чревовещателем земли; и всякий раз, когда я слышал речи бесов возмущения и извержения, находил я их похожими на тебя: с твоей же солью, ложью и плоскостью. Вы умеете рычать и засыпать пеплом. Вы большие хвастуны и вдосталь изучили искусство нагревать тину, чтобы она закипала. Где вы, там непременно должна быть поблизости тина и много губчатого, пористого и защемленного; все это рвется на свободу.

"Свобода" — вопите вы все особенно охотно; но я разучился верить в "великие события", коль скоро вокруг них много шума и дыма. И поверь мне, друг мой, адский шум! Величайшие события — это не наши самые шумные, а наши самые тихие часы. Не вокруг изобретателей нового шума — вокруг изобретателей новых ценностей вращается мир; неслышно вращается он".

Часть 11. Заключение

На эту тему можно было бы говорить еще очень много. Я ограничился по возможности тем, что знаю из собственного опыта. Я не собирался сводить счеты с прежними противниками — нам это не нужно. Собственно, у меня были две цели:

a) определить, насколько отвратительную и подлую ложь против нас, немцев, распускают в течение десятилетий и

b) указать на то, кто это делает и почему это происходит.

Круги, которые десятилетиями занимались по всему миру клеветой на наш народ, — это в любом отношении самая резкая противоположность нам, немцам. Они — более или менее копия их пророка Карла Маркса. Они все более отчетливо выдают себя вследствие того, что хотят своей ложью уничтожить не только нас, немцев, но и другие народы. Например, чилийцев, испанцев, южноафриканцев, арабов. Они упрекают также их в наихудших преступлениях, также против них они постоянно организовывают травлю на международном уровне, даже втягивая в эту травлю гигантские международные организации.

Кто познакомился с ними через их тактику, тот точно знает, что вранье для них только средство ради достижения цели в борьбе за мировое господство. Будь это не так, то у них хватило бы мужества клеветать также и на могущественные страны: Россию, Китай и США. Но их они и пальцем не трогают! Что на совести у этих государств хотя бы только в их собственных странах, по отношению к их собственным народам? Об этом не публикуют ни слова. Даже пытаются объединиться с ними в духовном плане против нас — что неплохо удалось в случае с США. Стоит лишь вспомнить о том, какую отвратительную злостную пропаганду приказал распространять генерал Эйзенхауэр к концу Второй мировой войны среди огромных масс его офицеров!

И кто знает еще, что поляки в 1945 году в Германии вели себя так ужасно, что русским войскам пришлось частично выступить против поляков, защищая немецкое население от них? Что побуждает клеветников, чтобы они молчали о судьбе евреев как в СССР, так и в США? В 1961 году я видел в Буффало (США) одну из самых больших синагог посреди города, которую совсем недавно сожгли и, по-видимому, не восстанавливали. Затем я спрашивал многих уважаемых американцев о том, как это следует понимать. Они лишь пожимали плечами и смеялись немного злобно, это было все. Тогда я целенаправленно спросил: "Когда ее восстановят?" Ответ был: "Мы не знаем, восстановят ли ее!"

Хотя в США занимаются травлей против нашего народа и его истории самым активным и самым гнусным образом, я думаю, что большая часть народа не готова верить во все это.

Преступные клеветники, которые подстрекают все человечество против нашего немецкого народа и его истории и, похоже, точно так же выступают против совершенно определенных других народов, никак не возражают, однако, если со стороны международного капитализма/марксизма происходит процесс, который в длительной перспективе с абсолютной уверенностью разрушит и уничтожит всю жизнь на Земле. Я напомню лишь одну ужасную тему "Уничтожение радиоактивных отходов".

Никто не знает, куда деть этот убийственный материал, количество которого безудержно растет. Так как его хранение на морском дне оказывается даже сейчас слишком опасным, видят только одну возможность депонировать его в особенно глубоких морских расщелинах. Там этот атомный мусор станет активным — как надеются — только примерно через 10 000 лет. Но если накопившуюся массу радиоактивных отходов тем не менее не удастся сдержать уже через тысячу лет, то ее с уверенностью хватит, чтобы полностью уничтожить всю жизнь на нашей Земле в самое короткое время!

Я спрашиваю: кто те международные диктаторы, которые с предельной наглостью и бесцеремонностью, а также с безответственностью и недобросовестностью решаются на то, чтобы продолжать производить радиоактивные отходы, хотя они точно знают, что огромные опасности для всей жизни возрастают в гигантском масштабе с каждой утопленной бочкой радиоактивных отходов и что их больше невозможно будет задержать!

Кто терпит что-то в этом роде, кто не возражает против этого, кто не клеймит этих диктаторов экономики и Мамоны как наихудших преступников всех народов и времен, тот — видит Бог! — не имеет ни малейшего права критиковать прошлое.

Они, которые клевещут на нас, немцев, и на нашу историю, были и остаются настоящими виновниками больших войн, и в то же время они прокладывают путь для тех уже упоминавшихся здесь диктаторов всемирного капитала.

Так замыкается круг, и становится понятнее то, что казалось нам столь непонятным.

И именно поэтому, так как теперь мы знаем то, о чем мы раньше могли разве что догадываться, я должен воспользоваться этим случаем, чтобы вспомнить о тех десятках тысяч — вероятно, даже сотнях тысяч — честных немцев, которые после 8 мая 1945

года медленно и с большой болью умирали, потому что их любовь к родине и патриотизм, их приличие и их верность народу и империи просто не могли вынести все эти пошлые враки. Я уже видел, как многие из них умирали в лагере от этой душевной беды — и многие из них от отчаяния даже совершали самоубийство.

Я знаю, что я родился немцем, чтобы жить немцем и исполнить свой долг. Это соответствует вечному порядку этого мира, в котором мы живем. Тот, кто осознанно действует вопреки этому порядку, может быть только предателем, мерзавцем! Он вредит всем другим. Никакая философия, религия, математика никогда не могут стать сильнее вечной этической закономерности природы!

"Но главное: будь верен самому себе,
И, следственно, как дважды два — четыре,
Ни перед кем не будешь ты фальшив".
Шекспир, "Гамлет", сцена I, акт 3 (Полоний)

Часть 12. Дополнение

Очевидно это или нет — но это бесспорный и ежедневно по-новому доказанный факт, что Адольф Гитлер — это сегодня самый известный человек в мире после Иисуса Христа. В частности, в великих державах он очень жив еще и сегодня — с политической точки зрения, — так как его снова и снова цитируют во всем мире как свидетеля и постоянно изображают или описывают. Журналы, книги, фильмы, радио, телевидение, парламенты и бесчисленные ораторы всех народов через 31 год после его смерти используют каждый представляющийся случай, чтобы использовать этого человека, зарабатывать на нем. Хочу привести самый вопиющий пример, который я сам пережил.

В свободной речи, которую я произносил в Ульме на Дунае, я хотел констатировать, что в политике никогда не может быть стопроцентных оценок. Чем естественнее учение, тем больше его приверженцы нуждаются в человеческой дисциплине. Чем больше жертв требуется вследствие этого, тем меньше становится число настоящих приверженцев, борцов и верующих.

Я говорил: "Никто не должен думать, что сегодня каждый, кто когда-то раньше носил коричневую рубашку, — мой друг. Наоборот — мой приговор в этом отношении особенно суров, так как я знаю, что число национал-социалистов становилось тем меньше, чем более стремительно возрастало количество членов партии! Если сегодня кто-то указывает пальцем на федерального министра или председателя партии, у которого раньше была должность в НСДАП, то это не интересует меня, потому что я знаю, что тот никогда не мог быть национал-социалистом. Он просто делал вид — и поэтому всю свою жизнь снова и снова будет только делать вид".

И, наконец, я сказал: "Было очень плохо, что, например, Риббентроп и Борман, эти два совершенно разных человека, оба не были национал-социалистами. Ошибочная политическая позиция уже является роковой, но демонстрировать якобы положительную политическую позицию, потом злоупотреблять ею и в результате предавать — это катастрофа".

В этой связи я упомянул, что я после войны — в 1948/49 — видел господина Бормана на вокзале в Бухлоэ. Это замечание вызвало настоящую лавину интереса, и один ведущий немецкий журнал попросил меня об интервью. Я объявил о своей готовности к этому, если они до того дадут однозначный ответ на следующий, очень интересовавший меня тогда вопрос: правда ли, как я предполагаю, что официальная версия о конце Гитлера

частично не соответствует правде? Под "частично" я понимаю "в существенной степени".

Господа из редакции журнала удалились для короткого совещания и объявили тогда, что это действительно так, что она в существенной части не соответствует действительности. На это я ответил, что тогда мне совсем непонятно, почему большой журнал упускает возможность такого большого заработка и молчит так много лет. Ответ был таков: "Каждому овощу свое время, дорогой принц!"

Эта беседа осталась у меня в памяти как особенно показательная и интересная. И это также причина того, что я написал эту книжку, хотя как попытка интерпретации личности Адольфа Гитлера она представляется мне несколько неполной.

Как раз к этой дате я неожиданно получил, пожалуй, самое интересное и самое ценное дополнение, о котором только можно думать: последние высказывания Адольфа Гитлера незадолго до конца войны — до сих пор неизвестные записи.

Читатель спросит себя, настоящие ли эти записи. Мы, конечно, тоже часто и серьезно над этим задумывались. Я могу только сказать: это стиль Гитлера, это, без сомнения, его мысли, настроение тех дней выражается поразительным способом, и документ был передан через надежный источник — ради правды, только ради нее!

Представленные в дальнейшем* воспроизведенные высказывания Адольфа Гитлера действуют на меня, который до 1936 лично хорошо знал его, как признание человека, которому вскоре предстоит уйти навсегда. Он совсем открыто говорит о том, как он видел вещи, — и как раз чтение этого имеет для нас всех большое значение, ибо:

Правда, которую умалчивают, приносит несчастье!
Фридрих Ницше